

Мария Гарзийо

ЗАМУЖ ЗА МИЛЛИОНЕРА

Каннский круговорот

Мария Гарзийо

**Замуж за миллионера.
Каннский круговорот**

«Издательские решения»

Гарзийо М.

Замуж за миллионера. Каннский круговорот / М. Гарзийо —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833036-0

Шопар, Феррари, Карлтон... бесконечное дефиле преуспевающих транжир — как, живя в окружении соблазнов и роскоши, удержать голову на плечах? 35-летняя Лиза Кравченко задается целью выйти замуж за миллионера. Кандидатом в мужа она выбирает молодого юриста, выигравшего в лотерею 150 миллионов. Читателю предстоит узнать, удастся ли героине воплотить в жизнь свой план и что из этого всего выйдет.

ISBN 978-5-44-833036-0

© Гарзийо М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Замуж за миллионера Каннский круговорот

Мария Гарзийо

© Мария Гарзийо, 2019

ISBN 978-5-4483-3036-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Veni, vidi, vici

Глава 1

Мой мужчина, мои подруги.

Я влюбилась в него с первого взгляда. Окончательно и бесповоротно. Моё маленькое глупое сердечко алой бабочкой выпорхнуло к нему на встречу. А опустевшее тело осталось стоять на месте, впечатавшись ступнями 39-го размера в запотевший тротуар.

Это судьбоносное мгновение очертило белым мелом новую жирную линию отсчёта моего существования. Все, что было до встречи с ним, развеялось в серой дымке забвения. Мысли о нем многочисленным вражеским войском захватили мою черепную коробку, жестоко расправившись с обитавшими там ранее повседневными не важностями. Эти безжалостные триумфаторы безудержно праздновали свою победу весь вечер и всю ночь. Их бесстыжие тени плавали в пузыристом трюфельном муссе, которым потчевал меня шеф-повар на ужин. Их размытые силуэты отражались на пупырчатой поверхности бокала Laurent Perrier. А позже в тёмном номере отеля их дерзкий надоедливый шёпот превратил меня из участницы в вялого податливого созерцателя любовной гонки за удовольствием. Когда мой любовник утомился, великодушно простив мне мою безучастность или попросту не заметив ее, окончательно обессилив, я целиком и полностью отдалась во власть этого наваждения. Итогом полу бессонной ночи стали, вынырнувшие из-под слоя ботокса морщинки вокруг глаз и твёрдая решимость завладеть предметом моих мытарств. Поставленных целей я привыкла добиваться. Очень скоро мои мечты обрели реальные очертания.

Я сижу в кресле в старомодном номере Мартинеза, одном из тех, до которых ещё не добралась умелая рука реставраторов, и мусолю первую за это утро сигарету. Передо мной он, эпицентр моей страсти, единственный, неповторимый, столь вожделенный... необходимый мне как воздух... лежит на ковре, неловко распластавшись. Мы провели вместе восхитительную ночь, наполненную до краёв музыкой, шампанским и волшебным ощущением праздника. Но серое бессолнечное утро по привычке смело пыльным отрезвляющим веником весь искристый налёт неповторимости, вернув меня из сказки обратно в безликий быт. Моя пылкая влюблённость, смущённо завернувшись в отельное полотенце, выскользнула из номера, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я смотрю на него и не верю, что ещё совсем недавно все моё существо было пропитано им... этим мятым отрезком шелка с квадратной бирочкой Ланван и четырёхзначным ценником.

В ванной затихает шелест водных струй. Я наблюдаю краем глаза как из душевой кабинки осторожно, чтобы не поскользнуться, вылезает обнажённый мужчина. Оказавшись перед зеркалом, этот 45—47-летний господин мгновенно подбоченивается, приосанивается, пытается знакомым всем его молодящимся братьям способом на вдохе переместить лишний объем с области живота вверх на грудную клетку. Оставшись, судя по выражению небритого лица вполне довольным этим минутным перевоплощением, он заворачивается в мягкий белый халат и переступает порог ванной комнаты.

– Ты уже не спишь, – достаиваюсь я ценнейшего наблюдения.

Мотаю головой и, затянувшись, наконец, сигаретой, чувствую, как блаженный вредный дым заполняет мои лёгкие.

– И уже куришь, – продолжает сыпать открытиями мужчина в халате.

Киваю, уставившись в потолок. Наверно стоило бы быть с ним поласковее. Может быть, подойти, чмокнуть в щеку, спросить, хорошо ли он спал. Вроде так принято у нормальных людей. Только к категории этих самых «нормальных» я уже давно не отношусь. К счастью. Наверно.

Вообще этот американец какого-то запутанного канадо-еврейского происхождения (расписал он свои родовые корни красочно и подробно, но в отсутствии планов породнения с ним слушала я повествование одним и тем не очень внимательным ухом) не вызывает у меня отрицательных эмоций. Он хорошо воспитан, вежлив, предусмотрителен и в меру щедр. По ту сторону одеяла непротивен, но, как оказалось, через чур поспешен. Вчера вечером, заложив неплохое начало в виде вполне приемлемых прелюдий (не говоря уже о крупной порции афродизиака – подаренного платья), этот успешный финансист вдруг куда-то страшно заторопился. Как будто кто-то шепнул ему в ухо, что акции вот-вот подпрыгнут и их срочно надо скупить. Прямо сию секунду. Делец перешёл на пятую скорость, проигнорировав предыдущие, и досрочно достиг финишной прямой. Ура, акции куплены. Не наделённая деловой хваткой, я быстро отстала, проводив печальным взглядом ускользающую вдалеке искру удовольствия. Ну, ничего, зато у меня было заветное платье. А это поважнее очередного плоского приглушенного шампанским оргазма.

Впрочем, я отвлеклась. Саймон (а именно так зовут моего состоятельного торопыгу) неодобрительно качает головой. Должно быть, ему не нравятся курящие женщины. По всем правилам жанра он уже много лет нерушимо женат на какой-нибудь розовощёкой домашней Дороти. И возвращаясь с очередной деловой поездки, этот эпизодически неверный муж наверняка привозит своей благоверной какую-нибудь приятную безделушку от Ван Клиф или Картье. А потом, созерцая подаренное украшение на шее жены, прокручивает в памяти фотографии «о, а это Камилла после сделки в Мадриде», «а это Вероника, важный контракт в Москве». Ох, в какие дебри меня занесло с утра пораньше. Похоже, алкогольные пары все ещё не выветрились из моей легкомысленной головы.

– Хочешь, я закажу завтрак в номер? – неуверенно предлагает Саймон.

Он старательно пытается наклепить на физиономию радостно благодушное выражение, за что я очень ему благодарна. Однако я прекрасно понимаю, что общаться со мной ему не охота. Мы провели вместе четыре дня, в течение которых каждый из нас в меру завуалировано, стремился к своей цели. Моей, как несложно догадаться, было платье Ланван. Что касается намерений Саймона, тут вообще все прозрачнее не бывает. Получив желаемое, мы сразу сделались друг другу неинтересны.

– Я не голодна, – великодушно вру я.

Вот вам, милый Саймон, подарок за вашу любезность.

– И мне, честно говоря, надо идти.

Мужчина неумело изображает печаль по поводу столь поспешного расставания. Актёр из него никакой. Ещё хуже чем любовник.

– Я был очень рад с тобой познакомиться! – целует он меня в висок, когда я, уже одетая, задерживаюсь у дверей, – Возможно, я ещё приеду в Канны в этом году...

Или в следующем. Или через два. По правде сказать, мне плевать, Саймон.

– У меня есть твой номер.

– Ага, звони, если приедешь, – бормочу я, проскальзывая мимо него в холл и прикусывая язык, чтобы не ляпнуть совсем уж неуместное «привет жене!».

Круазетт утопает в мягком влажном утреннем тумане. Работники частных пляжей лениво раскладывают лежаки. Неутомимые местные пенсионеры занимают места на синих железных стульях для просмотра бесконечного пёстрого и разнообразного спектакля под названием «Канны». Я бреду домой, сжимая в руках картонный пакет с платьем и купленными

в комплекте туфлями, и мне почему-то страшно хочется разрыдаться. Причин поливать знаменитую набережную горячими слезами на первый взгляд не наблюдается. Неделя прошла совсем неплохо. В весёлом искристом летнем ритме. Вобрав в себя все привычные, но от этого не менее желанные радости. Откуда же взялась эта тёмная неровная клякса на белоснежном листе моего настроения? «Должно быть, месячные скоро» – легкомысленно пожимает оголёнными плечиками моя внутренняя Блондинка, «Ерунда!» «Ага, ерунда, как же» – презрительно хмыкает Брюнетка, прикуривая сигарету, «Ты только глянь на неё! 35 лет бабе. Ни дома у неё своего, ни приличного счёта в банке, ни золотых слитков под кроватью! О яхте я уже не говорю! Все порхает по жизни от платья к платью, от мужика к мужику... а толку чуть!» «Ну и что с того? Она гедонистка! Для неё главное сиюминутное удовольствие» не соглашается светленькая. «Что-то на физиономии у неё это удовольствие не написано» качает головой тёмненькая. Они обе правы.

Начнём с того, что мне действительно недавно исполнилось 35. Если в России все мужское население давно бы уже перенесло меня из разряда сексуального объекта в старушечий металлолом, то здесь, на юге Франции понятия возраста как такого не существует. Женщина всегда остаётся женщиной, будь ей 25 или 65. Многие мои старшие подруги, накачавшись до ушей силиконом и ботоксом, встречаются с весьма состоятельными и обаятельными мужчинами значительно моложе себя. Некоторые местные француженки вообще ударились в крайность, создав новомодное движение соугаг. Эти небедные вдовы и разведённые дамочки, удачно распотрошившие банковский счёт бывших мужей, увлечённо охотятся на закате лет за совсем зелёными юношами. Равенство полов, будь оно неладно. Если седовласым дедушкам позволено окружать себя длинноногими нимфами, годящимися им во внуки, то чем бабушки хуже? На мой взгляд, подобный дисбаланс выглядит смешно и жалко. Впрочем, кто я такая, чтобы их судить? Кто знает, в каком виде я сама перешагну 50-летний рубеж. В общем, это я все к тому, что цифра «35» не припечатала меня к земле тяжелой плитой с надписью «УЖЕ». Я совсем неплохо выгляжу. Регулярные занятия в тренажёрном зале, свои, проверенные годами, парикмахер и маникюрша, десяток сеансов Cellu M6 ежегодно перед началом сезона, лёгкие вкрапления ботокса и гиалуроновой кислоты каждые 6 месяцев, комплект кремов Ла Прери... в общем, весь необходимый прожиточный минимум в наличии. Ещё некоторое время можно проехать на коньке под названием «внешность». Но уже без свойственной 18-летней диве безопасности. В замечаниях моей внутренней брюнетки есть доля здравого смысла. Пора уже начинать задумываться о вечном, закладывать первые кирпичики в фундамент безбедной старости. И сдаётся мне, что в этих строительных работах подобные Саймону курортники мне не помощники. Конечно, у меня есть Тьерри. Старый капитал, старые традиции.

С 57-летним женеvским бизнесменом Тьерри Сешо я познакомилась четыре года назад на традиционной вечеринке Шопар вовремя каннского фестиваля. Этот ценитель прекрасного сразу обратил внимание на моё «недозволенно пустующее», как он тогда отметил, декольте. Пустующее в плане должного ювелирного обрамления, на дары природы мне грех жаловаться. Я, конечно, помялась для вида, изобразила из себя независимую девственницу, ожидающую в холле Карлтона очередного трамвая. Но милое ненавязчивое внимание, и ещё более милые и ненавязчивые презенты нового знакомого быстро отвадили рогатый общественный транспорт, заменив его на уютный салон Ягуара. Я никогда не была влюблена в Тьерри (Боже упаси, чтобы такой казус вообще со мной ещё, когда приключился), но с самых первых дней наших отношений он пробудил во мне какую-то дочернюю привязанность и нежность. Мне ни разу не пришлось притворяться, пряча за мнимыми охами-вздохами бурлящее внутри отвращение. Мне на самом деле было хорошо с этим мужчиной. Хорошо, и на удивление легко, как будто мы знали друг друга целую вечность. Он ни разу не унизил, ни себя, ни меня малейшим намёком на финансовую подоплёку наших отношений. А у меня хватило ума отнестись с уважением к его нерушимому семейному статусу. Нас обошли стороной ураганы ссор, в эпицен-

тре которых так часто оказываются несовпадающие планы на будущее или ревность. Думаю, что Тьерри догадывался, что в его отсутствии (которое длилось дольше, чем присутствие) я не гнушалась свиданиями и недолговечными интрижками. Но с его губ не слетело ни намёка, ни упрёка. Любил ли он меня? Глупый вопрос, который мне не довелось задать даже самой себе. Даже после магнома шампанского. Я знала, что он ценил меня. А это в сто раз важнее всякой сентиментальной шелухи. На третий месяц нашего «общения» Тьерри снял мне двухкомнатную квартиру с очаровательной террасой в недавно отреставрированном особняке на улице Антиб. На пятый сделал меня обладательницей чудесного алого Мини-Купера, о котором я до этого мечтала ни один год. Что касается всякой жизненно важной мишуры вроде платьев и туфель, для этого мне был открыт отдельный личный счёт «на карманные расходы». В Канн-мосье Сешо навещался в среднем не чаще раза в месяц. Бывало, что его отлучки затягивались, зато потом он старался остаться подольше. Мы проводили время на его вилле, расположенной на холме в районе Канн Калифорни, придавались гастрономическим излишествам в звёздных ресторанах «Лазурки», загорали на корме его небольшой, но элегантной яхты под названием «le Rêve». «Мечта». Моя жизнь казалась мне порой воплощением мечты. Причём гораздо более ярким и дерзким, чем размытое временем очертание этих былых фантазий. Однако я вынуждена изложить нашу с Тьерри историю в прошедшем времени. Не то, чтобы этот прекрасный образчик мужчины совсем канул в Лету, лишив меня своего приятного общества и не менее приятной денежной подпитки. Счета за квартиру продолжают регулярно оплачиваться его невидимой рукой, и мой «кармашек» тоже не пустует. Но вот последняя наша встреча датируется концом мая, а сейчас на дворе август. Своё длительное отсутствие на Лазурном берегу и в моих объятиях Мосье Сешо объясняет дурным самочувствием супруги. Во время последнего своего приезда он выглядел непривычно усохшим, скрючившимся и каким-то опустевшим изнутри, как будто из него вынули сердцевину. Его вид потряс меня тогда до глубины души. Я привыкла к вечно молодому и полному сил Тьерри оптимисту, шутнику и уемелому рассказчику. В тот вечер в Шантеклере напротив меня сидел утомлённый жизнью старик, разбавляющий не ладящуюся беседу совершенно несвойственными быломu швейцарскому жизнелюбу жалобами на «скудную фантазию» шеф-повара и «недозволительную примитивность блюд». Мосье СеШо в пору было переименовать в Мосье СеФруа¹. Даже от секса в ту ночь он вежливо, но настойчиво отказался, сославшись на головную боль. И это Тьерри, которому не знаком был ни один недуг! С тех пор мы несколько раз говорили по телефону, но это были в основном поверхностные, ничего не значащие бытовые диалоги, за которыми не слышалось ни нежности, ни страсти. Моя приобретённая деликатность не позволила сделать попытки пробраться в душу моего милого друга и откопать источник этой внезапной перемены. Возможно, им действительно было пошатнувшееся здоровье жены, которую он обычно высокопарно величал «моя дражайшая супруга», и, я уверена, в глубине души преданно любил. Может быть, он почувствовал, что в этой изученной до морщинки женщине, которую он десятилетиями принимал как данность, и есть главный смысл его собственного существования. И испугался. А может, мой пожилой Дон Жуан повстречал на каком-нибудь коктейле прелестное молодое создание, столь свежее и блистательное, что оно запросто затмило знакомый образ каннской любовницы. И дабы не обижать эту самую любовницу Тьерри скормил ей под бокал шампанского миф о больной жене, столь древний, что им, должно быть, ещё пользовался один из тех слонов, что держат мир. Как бы то ни было, невесёлый результат остаётся тем же. Я не могу с уверенностью сказать, сколько ещё просуществует денежный источник мосье Сешо. Год? Пару месяцев? И что дальше? Допустим, что, не будучи совсем уж безголовой тряпичницей, кое какие средства за время союза с Тьерри я все-таки сберегла. Этих накоплений может хватить на полгода квартплаты и приличного существова-

¹ c'est chaud (се шо) переводится как «жарко», в то время как c'est froid – «холодно»

ния. А потом придётся распродавать украшения, сумки и (Боже упаси) расстаться с моей красной Минькой. Нет, доводить ситуацию до такого края недопустимо! Надо срочно искать серьёзный стабильный вариант, который сможет не просто заменить Мосье Сешо, а реально обеспечить мне материальную платформу на грядущую старость. Как насчёт древнего старика миллиардера, который скоростно скончается на выходе из церкви, удачно завещав свои миллиарды молодой супруге? «А это идея!» хихикает блондинка, успевшая с утра уже изрядно набраться шампанским. Брюнетка красноречиво вертит пальцем у виска.

Я пристраиваюсь за столик в маленьком кафе недалеко от дома, прошу знакомого официанта Жюльена принести мне американский кофе с парочкой не сильно поджаренных круассанов и выбиваю из пачки сигаретку. Наверно стоило бы бросить эту пагубную привычку курить. Всем известно, что табак портит зубы и кожу. Зато как выгодно можно продемонстрировать безупречный маникюр и недавно приобретённое колечко Картье! И мне всегда, почему-то казалось, что курящим женщинам присущи какие-то особенные элегантность и загадочность. Айфон звенит сообщением. Подруга Жанна предлагает встретиться. «Привет, Люлю, сто лет не виделись! Приезжает Аришка. Сегодня в 8 в Перле?»

Когда-то давно мы были почти неразлучны. Как три мушкетёра без Д'Артаньяна. Друг за друга горой. У нас были свои нерушимые догмы, вроде «никогда не оставлять пьяную подругу в компании малоизвестных мужчин», или «кто первый застолбил спонсора, тот его и разводит». Ляля, Нана и Риша. Золотая троица светских львиц Лазурного берега. Как же давно это было... Как будто в другой весёлой, беззаботной, искрящейся брызгами Кристалл Родерер жизни.

Мы познакомились шесть лет назад в Сан Тропе. Я тогда ещё была совсем молода и недопустимо наивна. Моё пребывание во Франции исчислялось несколькими месяцами. Я гладила по сторонам восторженными, ослеплёнными южным солнцем глазами, и едва верила увиденному. Все вокруг мне казалось невообразимо прекрасным. В том числе и встреченный на набережной Ниццы итальянец Стефано. На нем были ярко синие мокасины неизвестного мне в ту пору брэнда, недопустимо сильно распахнутая на загорелой груди полосатая сорочка и печать успешного, уверенного в себе прожигателя жизни. А как ласкали слух его певучие «белла, беллиссима»... В общем, на следующий день после знакомства Стефано пригласил меня в Сан Тропе на пляж Вуаль Руж. Там на алых подушках нас поджидал приятель моего итальянца Массимо со своей спутницей, которую он, представил нам как Жанну. Девушка мгновенно вызвала у меня симпатию. Ниже меня ростом, тощая до костлявости, с задорным мальчишеским ёжиком на голове, она явно не годилась мне в конкурентки. В довершение картины на ней был явно не фирменный бикини, проживавший свою вторую, а то и третью молодость. Я же представляла собой (и до сих пор таковой являюсь) привычное иностранцам клише славянки. Рост 1.78, грудь 90D, талия и бедра соответствуют, длинные светлые локоны на плечах и яркая губная помада в любое время дня и ночи. Ну и купальник на мне в тот день был Эрес. Короче говоря, невзрачная (как мне показалось тогда) Жанна мне понравилась. За бокалом ледяного шампанского мы как-то сразу разговорились. Новая знакомая поведала, что она русская из Питера, на юг Франции её занесли авантюризм и желание забыть болезненный разрыв с каким-то талантливым художником алкоголиком (судя по всему, пьяницей он оказался все же более одарённым, чем живописцем). В Сан Тропе она, по профессии фотограф, нашла сезонную работу продавщицы в бутике Боттега Венета. «В целом неплохо», вещала авантюристка, закусывая сочным куском арбуза, «Но начальница противная попала. Ненавидит русских». Я спросила, сможет ли она мне сделать скидку на какую-нибудь сумочку. Жанна искренне обещала попробовать. Я тогда, кажется, тоже под влиянием пузырястого змея выдала какие-то ошмётки своей биографии ДО. И нас намертво спаяло вместе нерушимое «все мужички – козлы». Как выяснилось совсем скоро, эта неписаная истина распространялась не только на близких по крови славян. Стефано и Массимо после четвертой бутылки шампан-

ского отправились в туалет (и как нас только не насторожил этот момент – они же не девочки, чтобы ходить писать парами!) и больше оттуда не вернулись. Мы преданно ждали кавалеров ещё минут сорок, доедая арбуз и допивая веселящие пузырьки. Но они так и не появились. Зато вместо них к нам пожаловал счёт. И тут мы с Жанной мгновенно протрезвели, обнаружив, что хозяева этого милого пляжа оценили съеденный нами овощ-фрукт в 100 евро, и в списке этот полосатый гад был самым дешёвым. «У меня с собой 50 евро» пробормотала продавщица. Ну а я, не наученная ещё тогда горьким опытом, вообще заявила на встречу с шикарным итальянским мачо без копейки за душой. «Однако здравствуйте» выплыла откуда-то из подсознания фраза Михаила Леонтьева. Первым делом мы принялись ошалело стрелять глазами во все стороны в поисках возможного мецената. Подобного не обнаружилось. Все диванные места были заняты пёстрыми шумными двуполыми сильно подвыпившими компаниями. «Эй, девчонки, сигаретки не найдётся!» неожиданно окликнула нас шикарная дамочка из-за соседнего столика, безошибочно угадав в нас соотечественниц. Я машинально протянула ей пачку Вог. Красотке хватило одного беглого взгляда на наши кислые физиономии, чтобы сообразить, в чем дело. «Пересаживайтесь к нам вместе со счётом», – неожиданно подмигнула она, «Мои лоси даже не заметят». Это было необычным везением. Мы с Жанной не заставили себя упрашивать, и уже через секунду устраивались на соседнем канapé, сверкая благодарными улыбками. «Лоси», больше напоминающие спёкшихся на жаре тюленей – два розовых усатых толстопуза – приветствовали нас вялыми ухмылками. «За встречу!» скомандовала наша избавительница по-английски, разливая по бокалам пенящуюся жидкость, «Сколько лет, сколько зим!» Позже выяснилось, что спасительницу зовут Арина, и она владелица небольшого агентства недвижимости. Лосе-тюлени – её клиенты, и все они вот уже вторую неделю отмечают подписание договора о покупке виллы в Кап Ферра. С такой девушкой, как Арина, при других обстоятельствах я бы ни за что не полезла дружить. Невооружённым глазом было видно, что до её уровня я не дотягиваюсь, даже встав на цыпочки. Каждый квадратный сантиметр её безупречного лица дышал ухоженностью и холеностью. Гладкие пепельные волосы, умело уложенные хорошим специалистом, идеальной формы грудь (тогда мне было невдомёк, что это силикон), токая талия, стройные загорелые ножки с аккуратным педикюром, ... не говоря уже об элегантном пляжном комплекте, тунике и бикини, с узнаваемым орнаментом Эмилио Пуччи, и золотистых босоножках на красной подошве. Судьба Арины в отличии от наших с Жанной взъерошенных переживаний, казалась ровной гладью кристально чистого озера. После небольшой, судя по всему, совсем не запомнившейся ей, встряски со сменой декораций в детстве, вся её сознательная жизнь протекла под надёжным крылом матери и отчима. Последний, потративший лучшие годы на накопление капитала и посему так и не заимевший собственных отпрысков, в очаровательной Аришке души не чаял. Стоило девочке сморщить симпатичную мордашку в плаксивой гримасе, как к её ногам моментально падал желаемый велосипед, компьютер, платице... Позднее капризы стали серьёзнее. В их рядах числились молодой жеребец Блэк, новый Бэнтли и агентство недвижимости «Вилла Азур». Конечно, в тот судьбоносный день на пляже, Арина не поведала нам и малой доли своей биографии. Мы тогда просто дружно напились практически до бессознательного состояния и, расставаясь, поклялись друг другу в вечной любви и дружбе. Мало ли подобных глупых обещаний даётся под коварным влиянием алкоголя. Но наше почему-то не растаяло бесследно в отрезвляющей утренней заре, и, небрежно брошенное, семечко симпатии дало щедрые крепкие побеги.

Наверно только сейчас, бросив взгляд назад, на свой мутный портрет семилетней давности, я осознаю в полной мере, сколь ценным и необходимым для меня было то случайное летнее знакомство. От шикарной Арины я научилась всем тонкостям стиля. Она разложила передо мной ярким веером широкий спектр современных дизайнеров, объяснив, что именно, куда стоит носить, чтобы не сойти за «туриста» (а это в её устах было страшнейшим оскорблением). Оказалось, что вовсе недостаточно иметь увесистый кошелёк, чтобы выглядеть «прилично».

Увидев меня на вечеринке в шерстяном логотипированном пиджаке Ральф Лорен, накинутом поверх шёлкового платья, ценительница прекрасного красноречиво закатывала глаза «Наша Фрося Бурлакова пожаловала!» «Что опять не так?» не могла понять я. И Арина принималась терпеливо втолковывать двоечнице, что с вечерним платьем дневной Ральф Лорен ну просто катастрофически не уживается. «Неужели ты не чувствуешь?» дивилась она. «Тут нужен блейзер. Или шаль Виттон!» В начале, я действительно не чувствовала. Какая разница блейзер или пиджак? Они же братья! Постепенно капля Ариного старания все-таки раздолбала вдребезги камень моей «фэшн-тупости», и я освоила нелёгкую науку «приличного» гардероба. Кроме функции стилиста Ариша в нашей тройке выполняла так же роль гида по новомодным каннским ресторанам, барам и дискотекам. Поначалу ей приходилось разяснять двоим лаптям, что такое *coquilles St Jacques*² и почему бретонский омар лучше канадского, но французскую гастрономию, надо отдать нам должное, мы освоили на удивление быстро. Оставалась ещё одна наука, жизни необходимая молодым девушкам, задумавшим пустить корни в плодородной земле Лазурного берега. *Chasse à l'homme*³ Несмотря на эффектную внешность, Ариша не могла сделаться нашим гуру в этой области. Ей просто фатально не везло в любви. Столь утончённая в выборе одежды и сумочек, она делалась криминально неразборчивой в подборке главного женского аксессуара – мужчины. Ей вечно попадались одни лишь беспролазные подонки. Непременно богатые. Непременно на Феррари или, в крайнем случае, Астон Мартине, но обязательно подонки. Из её слёзных любовных историй можно было бы собрать альманах «козлы и прочие каннские парнокопытные», который навсегда бы отвадил искательниц приключений от охоты за лазурными богачами. Начиналась эти романтические сценарии всегда одинаково. Арина прилетала к нам, благоухая любовью и новым ароматом Кристиан Диор, вся такая возвышенная, воздушная, невообразимая. Нам хватало одного взгляда на её румяные щёчки, чтобы определить «очередной козел уже в стойле». «Он замечательный!» хлопала ресницами влюблённая «У него Бугатти Вейрон!» Потом она исчезала. Иногда на неделю, иногда на месяц. Реже на два. А возвращалась к нам блеклая тень Ариши. С отросшими корнями, облупившимся маникюром и потухшим взглядом. «Сволочь!» цедила тень сквозь зубы, запивая сигарету Джек Дениелсом, «Не хочет на Мальдивы, можно было на Сан Барт... принципиально, что ли! Надоело ему, видите ли, деньгами разбрасываться. Жмотяра! Крот помойный!» И так по кругу до следующего «замечательного». Мы поначалу пытались вразумить Аришку, объяснить ей, что мужчины – создания трепетные, нельзя их так сильно сразу трясти, надо поумному, понемножку, по капельке... А, если уж правда любовь-морковь, то, может, вообще не трясти? Тем более, что сама Арина девушка небедная. Но как это так «вообще не трясти» наша подруга не понимала. «Ещё предложите мне его на Мальдивы свозить!» взирала она на нас как на двух умалишённых. Мне не удавалось с точки зрения примитивной психологии растолковать это горящее стремление, во что бы то ни стало безлимитно «развести» объект симпатий. Казалось бы, Арину обошла участь девиц из небогатых семей, вынужденных «высисживать» в клубе или в баре какого-нибудь спонсора, потому как собственных средств на маломальски алкогольный напиток не хватало. Почему тогда? Может быть, подобное отношение впиталось с молоком матери, уроженки города Луганска, сменившей грошовую учительскую зарплату и мужа-вахлака на щедрого австрийского бизнесмена Клауса (которого две очаровательные пиявки за глаза величали Санта Клаусом) со всеми прилагающимися к нему радостями жизни. Так или иначе, отступать от своих постулатов Арина не торопилась.

Что касается Жанны, тут ситуация была совершенно другая. Моя вторая подруга не обладала ни элегантностью, ни красотой, ни богатством Ариши. Однако общение с ней оказалось для меня не менее важным. В этой, с виду неприметной девушке были с детства заложены

² гребешки

³ Охота на человека. В данном случае имеется в виду «охота на мужчину»

тонкий, неуловимый шарм и необъяснимая магнетическая притягательность. Мужчины, зацепившись взглядом за нашу пёструю троицу, всегда первым делом выделяли Арину (в неотъемлемом Эрве Леже или в пайетках), затем меня, и лишь в последнюю очередь худенькую тростиночку Жанну. Но нас они так же быстро забывали (мало ли на Лазурном берегу хорошеньких блондинок), а вот наша тощая приятельница почему-то западала в душу. За все годы, что я её знала, Жанна ни разу не побывала в роли «брошенки». Всегда инициатором расставаний выступала она, а отвергнутые кавалеры ещё долго поджидали её у подъезда, забрасывали цветами и кольцами с брильянтами (это не гипербола, одних помолвочных колец она сдала обратно в бутик Картье штук пять точно). Конечно, нам было интересно разгадать секрет подобного успеха. «Я интересуюсь ими, но не увлекаюсь», спокойно пожимала плечами подруга, «Просто по-другому не получается». Однажды после ощутимой порции шампанского, Жанна призналась мне, что все ещё вспоминает своего неудачника живописца. «Как будто перегорело что-то внутри. Пытаюсь по-настоящему увлечься кем-то, чтобы витать в облаках как Аринка, а не выходит. Понимаешь?» Я тогда кивнула головой, хотя понять, как можно так долго хранить тёплые чувства к какому-то бессребреннику я была не способна. Но от Жанны я со временем переняла эту отстранённую заинтересованность в мужчине, хотя в моем исполнении это все равно было игрой, и некоторые самые прозорливые экземпляры унюхивали подвох.

Вот такие у меня были подруги. Были. Два года назад от нашей троицы отпочковалась Арина. Все начиналось как обычно. Очередное, как мы называли подобные любовные ямы, «забужение». «Красавец, хирург, Астон Мартин, пентхаус в 1 округе Парижа... Самый лучший, самый любимый!» Мы с Жанной синхронно пожали плечами и проводили приятельницу в столицу. Будучи на сто процентов уверенными, что Аришка не продержится и месяца. Однако летели дни, осень сменилась зимой, а зима весной, а от нашей влюблённой не было ни слуху, ни духу. Смс-ки до неё не доходили, затерявшись где-то между Сант-Етьенном и Лионом, имейлы возвращались, не достигнув адресата, профиль на фейсбуке не обновлялся... Однажды, столкнувшись, на улице с племянником Санта Клауса, я не поверила своим ушам, узнав, что Арина вышла замуж в Париже и родила дочь. Почему такой немаловажной новостью она не удосужилась поделиться с ближайшими подругами, так и осталось для нас с Жанной загадкой. Последняя, в свою очередь, тоже отошла от общих тусовок. Хотя и совсем не сгинула, но появляться стала гораздо реже. А в один прекрасный апрельский день объявила мне, что выходит замуж за мoneгаска ливанского происхождения. «Удалось-таки увлечься?» с крошечной долей язвительности спросила я. Жанна в ответ спрятала глаза в цветочный горшок и затаилась сигаретой. С её избранником я познакомилась только на свадьбе – пышном, торжественном, немыслимо дорогом празднестве, кишашим местной элитой. Это был небольшого роста (на полголовы ниже невесты) лысеющий, не очень плотного телосложения, горбоносый брюнет по имени Омар. Мне запомнилось, как он сверкнул жадным взглядом по моему декольте и многозначительно погладил мою ладонь при рукопожатии. Одной этой детали мне хватило, чтобы навсегда проникнуться густой неприязнью к этому человеку и стараться избегать последующих встреч. Впрочем, Жанна и сама не стремилась выступать организатором общих мероприятий. Превратившись в замужнюю даму, она окончательно исчезла с моего горизонта. Чтобы вынырнуть год спустя вот этой крошечной смс-кой.

Ну, и что прикажете с вами делать, пропащие души? Гордо отклонить предложение? Вам все это время было наплевать, как я, что я, где я, жива ли, счастлива ли... Ответить заслуженным презрением? Мой первый порыв именно таков. Стереть сообщение и выбросить из головы образы некогда почти родных людей, так запросто предавших меня. Догоревшая сигарета жжёт пальцы. Тьфу, совсем увязла в путанице мыслей и воспоминаний. Кофе давно допит, вкуса круассанов я даже не ощутила. Я прошу Жюльена плеснуть мне ещё бодрящего напитка (и черт с ним со сном!) Вслед за обиженно надувшей губки блондинкой, выглядывает рассудительная брюнетка, нацепившая маску любопытства. «Неужели тебе не хочется узнать, что с ними слу-

чилось, и какими они стали?» «А разве так не понятно?» фыркает блондинка, «Две, погрязшие в быту и мужьях, замужние дамочки. А Аришка вообще (с выражением глубокого ужаса на кукольном личике) ма-маша!» Честно говоря, моего небедного воображения не хватает на то, чтобы представить мою боевую подругу в роли матери. Эту весёлую девицу, извивающуюся на ВИП столике в клубе в бессовестном мини. Эту неизменную тусовщицу, принимавшую душ из шампанского на пляжах Памплон. Этого вечно молодого и вечно немного пьяного яркого мотылька, бесшабашно кружащего по жизни... С орущим младенцем на руках? Нет уж, увольте. «Вот сходишь и посмотришь!» подзуживает брюнетка. Ну, ладно, увидеть Аришу действительно любопытно. Но Жанна... Кто мешал ей связаться со мной раньше? Может быть, гордыня? Чего там якшаться с какой-то неудачницей, когда в новом блистательном окружении одни миллиардеры? Разве сможет бывшая подруга поддержать разговор о преимуществе яхты Валли перед Бенето, и домработниц балийек перед малазийками? А ещё, чего доброго, ляпнет в достойной компании какое-нибудь неуместное «а ты помнишь...» В моей обиде на Жанну можно, если сильно приглядеться, разгадать крошечную частичку зависти. Чернявый ливанец Омар, конечно, далёк от образа мужчины моей мечты, зато, приобретённый путём брака с ним материальный достаток мне бы точно не помешал. Там, в конце концов, и развестись можно, прихватив с собой десятку-другую миллиончиков на тепленькую старость. «Сходи на встречу и намекни, чтобы Нанка подогнала тебе какого-нибудь Краба или Лангуста» даёт дельный совет брюнетка. А что это ведь и, правда, неплохая идея. Раньше мне подобное в голову не приходило. Наверно потому, что рядом маячил мой милый Мосье Сешо. Итак, решено. Я достаиваю Жаннин номер лаконичного «ОК».

Теперь домой, отсыпаться и приводиться себя в порядок. Думаю, ни для кого не секрет, что готовиться к встрече с подругой всегда приходится гораздо тщательнее и вдумчивее, нежели к свиданию с мужчиной. Последний вряд ли обратит внимание, что на вас (Боже, какой кошмар!) то же самое платье, что и две недели назад (если это, конечно, не красные пайетки). Он так же, будучи поглощённым разработкой стратегии вашего соблазнения, скорее всего не заметит какой-нибудь незначительный дефект вроде комочков на ресницах или сколупнувшегося лака на мизинце ноги. «Заядлая» подруга же никогда не упустит ни одной детали. Она мгновенно сосканирует ваш наряд, ваш макияж, ваше лицо, ваши ноги в поисках утешительного «брака», и, обнаружив, непременно сообщит вам о нем с горькой миной на физиономии. Конечно, Ариша и Жанна не относились к категории таких типичных доброжелательниц. Они всегда критиковали и советовали по делу, и между нами не висела в воздухе тяжёлая туча зависти. Однако, как говорят персонажи задолбавшей всех рекламы очков «Крис», *sa c'était avant* – это было раньше.

В назначенный час (плюс пятнадцать минут) я сворачиваю на улицу Масэ. На мне чёрное шёлковое платье-футляр со штампом Dsquared2, колье Шурук, бежевые босоножки Трибют ИСЛ и светлый питоновый клатч Прада. Скромненько, и, как мне кажется, вполне со вкусом. На террасе никого хоть отдалённо напоминающего моих беглых подруг не видать. Ну, вот я ещё и первая припёрлась! Хорошо начинается вечер. «А я говори-и-ла», гундосит блондинка. Я забираюсь на высокую табуретку. Может, сразу врубить ядерный Лонг Айленд? «Ага, пусть они, все успешные и шикарные, увидят, как ты, неудачница, топишь в алкоголе свою тоску» хмыкает брюнетка. Когда стрелка на моих Балон Блю перескакивает на отметку 25, из-за моего плеча неожиданно выныривает Жаннка. «Скузатти, никак не могла припарковаться» весело щебечет она, целую я меня в щеку. Это итальянское словечко, которое уже давно успешно вжилось в Нанкин лексикон, почему-то бьёт меня током раздражения. А может дело не в нем, а во всем внешнем виде подруги. За год разлуки, тощая девочка-подросток волшебным образом преобразилась в породистую даму. Гладкое, чуть тронутое загаром личико без единой морщинки, аккуратный неброский макияж, стройное тело, завёрнутое в темно-синее кружевное платье Валентино из зимней коллекции, крупные бриллианты в ушах, ну и вишенка, нанёсшая

последний сотрясающий удар по пирогу моего самомнения – крокодиловая Биркин цвета электрик, небрежно брошенная хозяйкой на соседнюю табуретку. Мне требуется несколько минут, чтобы вытащить брюнетку и блондинку из глубочайшего обморока.

– Замечательно выглядишь, – скриплю я, насаживая на анфас не желающую держаться кривенькую улыбку.

– Ты тоже! Ничуть не изменилась! – искренне лыбится Жанна.

Конечно, ещё бы ей не лыбиться. Считала уже мои новые морщины, разницу в цене наших сумочек и платьев, и теперь ликует в душе. «А я говори-и-ла!» тянет блондинка погатым голосом. Брюнетка заносит над её пустой головой бейсбольную битку.

– Закажем шампанского? Или ты хочешь коктейль? – продолжает светиться позитивом подружения.

Все-таки Лонг Айленд?

– Как хочешь, – растягиваю губы я, – А Ариша будет или как?

– Обещала вроде, – бросив беглый взгляд на утыканные брильянтами и прочей роскошью часики Шопар, отвечает бывший питерский фотограф, – Она приехала на пару дней всего. С ребёнком.

– Она с собой ЕГО не потащит, я надеюсь, – испуганно хлопаю ресницами я.

Для полной потери равновесия мне не хватает только маленького кричащего и воняющего чудовища.

– Нет, сказала, няне оставит. О, а вот и она!

Перед нами как по взмаху волшебной палочки материализуется Арина. Арина ли? Нет, не может быть! Эта измождённая бледно-зелёная тётенька лет на 10 меня старше в платье Прада двухлетней давности никак не может быть моей модной молодой подругой!

– Как же я рада вас видеть, девочки! – восклицает зелёная тётка и бросается мне на шею.

Мне приходится опять призвать на помощь весь свой хиленький актёрский талант, чтобы подхватить готовящуюся в очередной раз дезертировать физиономию.

– Вы обе очаровательны! Мои уроки не прошли даром! – она радуется вполне искренне, и мне становится стыдно, за свою недавнюю вспышку зависти, – Лялька, зачёт! Нанка, ты, что в лифчике?

Вот у человека глаз-алмаз! Первым делом узрела не брюлики и Эрмеса, а присутствие нижнего белья, к помощи которого наша Жанна никогда за свою историю нашего знакомства не прибегала. Летом она жаловалась, что всякие «труселя» и «лифаки» сковывают её движения, и натягивала платья прямо на голое тело (возможно, в этом тоже крылся секрет её успеха у сильного пола). Зимой свободолюбивая натура все-таки снисходила до стрингов, но вот бюстгальтеров в её гардеробе не было отродясь.

В ответ на Аришино замечание Жанна вместо того, чтобы рассмеяться и выдать нам какое-нибудь шутовское объяснение этой перемене, почему-то тушует и отводит взгляд.

– А ты чего в позапрошлогдней Праде с жёлтым пятном на плече, Ариш? – наконец выдаёт она ответную пику.

– Где пятно? О, точно! Блин, это Катюха срыгнула, вот ведь зараза! Платье схватила первое попавшееся. Я по-другому оделась, но Катюню вырвало и...

– Катюха – это твоя дочь? – затыкаю пробкой этот неприятный фонтан откровений я.

– Да. Я её назвала Катрин. Катюша по-нашему. Ой, девочки, мне столько всего надо вам рассказать! Только сначала непременно выпьем! Эй, мосье, бутылку Лоран Перрье розэ, s'il vous plait!

Заказ не заставляет себя ждать. Фигуристая бутылка с розовой этикеткой прибывает к нам в компании с ассортиментом лёгких закусок. Официант, слишком ухоженный и манерный, чтобы быть гетеросексуалом, разливает пенящуюся жидкость по узким бокалам. Мы чока-

емся молча без привычных воодушевлённых тостов «за нас красивых», «за вечную дружбу». Как будто пьём за упокой этой самой дружбы.

– Ну, рассказывай, пропащая душа, – киваю я Арине, чтобы разбить тяготящее молчание.

В её уставших, небрежно накрашенных глазах с тонкой сеткой морщинок в уголках после нескольких глотков шампанского вспыхивает знакомая мне искорка.

– Ой, девочки, – вздыхает наша прежняя Ариша, – С чего и начать не знаю. В общем, начало вы помните.

– Хирург из Парижа на Ламборгини? – вспоминает Жанна.

– Астон Мартин, – автоматически поправляет Риша, – One-77, ограниченного тиража. А хирург это верно. Вся душу из меня вынул этот врач. Все внутренности. Ни одного целого органа не осталось.

– Это, я надеюсь, метафора? – поднимаю бровь я.

Ариша печально мотает головой.

– Я же любила этого козла. По-настоящему. Потасила за ним в этот дурацкий Париж, где вечно холодно и идёт дождь. А он...

– Оказался жлобом? – гадает Жанна.

– Да нет, с деньгами проблем не было. Покупал все, что я просила. Точнее бросал мне деньги. Доставал из сейфа пачку и рассыпал по полу. А я ползала на коленях и собирала.

– Кошмар какой! Ариша, зачем ты это терпела? – ужасаюсь я.

– Это только начало, – она затягивается сигаретой с горькой усмешкой на неухоженных обветрившихся губах, – Я думала, ерунда, пройдёт. Он выпить был не дурак. Ну и кокаину немножко по пятницам, чтобы снять напряжение. И когда не в себе, то мог ерунду всякую нести. Это ведь как болезнь. Не будешь ведь ругать человека, за то, что он болен.

– Да ладно! – вспыхивает негодованием Жанна, – Алкоголизм это и наркомания. Нашла больного!

Арина морщится как от вида бокала виски на утро после мощной тусовки.

– Короче я терпела все. Он ведь потом каялся и в любви клялся. Мы поженились. Он так хотел. Мне все равно было. Вы сами знаете, я замуж никогда не стремилась, и всякие эти пышные торжества мне ни к чему были. Отметили вдвоём. Он выпил много, начал нести какую-то чушь, что все русские проститутки, ударил меня пол лица. Эй, мосье, обновите, пожалуйста, бутылочку! Я хотела уйти, но он закрывал квартиру на ключ. Говорил, что если сбегу, он меня найдёт и « порежет на мелкие кусочки». С родителями общаться не давал. Потом я узнала, что беременна. Он потребовал аборт. А меня, тогда как током ударило. Мне ведь 38 лет. Последний шанс. Сделаю аборт, больше никогда не рожу. В общем, упёрлась рогами, лучше умру, чем ребёнка потеряю. Он и бил меня и угрожал, что ни один врач столицы у меня роды не примет. Я сбежала к родителям. Он нашёл адрес, припёрся к маме и Клаусу, начал орать у дверей. Они пустили его сдуру. Он ворвался, стал скандалить, ударил меня. Я тогда на 7-ом месяце была... Короче Клаус, как это все увидел, вызвал полицию. Я написала заявление. С тех пор он почти оставил меня в покое. Звонит периодически с разных номеров и кричит в трубку, что никогда мне ни копейки на ребёнка не даст, что это не его «детёныш», что я дура, проститутка и т. д.

Арина замолкает, прикуривая новую сигарету. Её тонкие пальцы с неровным маникюром (мы величали такой «выходным» – на выходе из дома замечаешь, что ногти не в порядке и быстро малюешь что попало) заметно дрожат. Мы с Жанной молчим, лишённые речи этой невозможной, недопустимой историей. Мне некстати вспоминается, как мы попрекали Аришу – пропала, видите ли, живёт там себе счастливо и в ус не дует... а наша подруга в это время медленно и мучительно проходила один за другим все круги ада. Меня до краёв переполняют стыд, раскаяние и сочувствие.

– Ладно, девочки, стряхните эти кислые морды, – усмехается героиня трагической пьесы, – Что было, то было. Зато у меня есть Катька! Она красавица вышла. Сейчас покажу.

На экране айфона вспыхивает круглая красная узкоглазая физиономия без малейших половых признаков.

– Да-а, красавица, – без особой уверенности в голосе в унисон тянем мы.

– Правда, родилась она раньше времени со всеми этими передрыгами... И у неё был РДС, – прочитав на наших лицах непонимание, Арина поясняет, – респираторный дистресс-синдром. Она не могла дышать. На второй день после родов мне сказали, что, скорее всего она умрёт. Но мы с Каткой так просто не сдались. Мы же сильные, мы же вместе, – в глазах подруги мелькает крошечная слеза.

Я сама готова расплакаться. Ещё и шампанское, будь оно неладно, мутит голову.

– Господи, Аришка, – хлюпаю носом я, – Мы же ничего не знали.

– Да, все в порядке, Ляль, все плохое уже позади. Только устала я очень. Катке пять месяцев сейчас. За это время я ни одной ночи нормально не спала.

– А мама? Няни? Врачи? – вступает Жанна

– Все есть, все рядом. Но неужели ты заснёшь, когда твой ребёнок в соседней комнате задыхается, и ты не знаешь, доживёт ли он до утра?

Мы молчим, не зная, где найти достойные слова, как утешить это непонятное нам, но от этого только более страшное горе.

– Ладно, – смеётся захмелевшая Арина, – Вы совсем, смотрю, скапустились. Давайте зовите официанта, пусть принесёт чего покрепче. Меня тошнит уже от этой кислой шипучки.

Официант, боязливо поглядывая на нашу странную компанию, водружает на столик бутылку виски и какую-то дополнительную закуску. Широта Аришиной души и её кошелька не позволяют обладательнице заказывать алкоголь мелкими дозами. Сколько я её помню, она непременно берет бутылку, даже если намеревается ограничиться бокалом. Я чувствую, что ещё немного, ещё пару-тройку горячительных глотков, и я брошусь обнимать вновь обретенных друзей и орошать их слезливыми признаниями в любви.

– Короче, все у меня хорошо, – подводит неожиданный итог своего трагичного повествования Арина, – Давайте рассказывайте, как вы тут без меня. Мне доложили, что Нанулька замуж вышла.

– Я посылала тебе приглашение, – Жанна, не смотря на выпитое, все ещё не убрала до конца свои защитные иголки.

– Ага, я получила. Только не до этого было. Извини. Ты мне одно скажи, ты счастлива? – как всегда зрит в корень старшая подруга.

Я жду, что Жаннин рассказ своим ярким контрастом только усугубит мрачную Аришину картину, и мысленно прошу её быть посдержанней.

– Знаете, девчонки, – Нана затягивается сигаретой, – честно вам признаюсь, я шла на эту встречу, намереваясь пустить вам пыль в глаза, расписать свою распрекрасную жизнь со всеми её расчудесными возможностями. Но послушала Аришу и поняла, что не к чему это. Хреново все у меня, девочки! Хуже не придумаешь!

– Да, ладно! – недоверчиво хмыкаю я, – По тебе не скажешь!

Сейчас она будет плакаться и рассказывать, как тяжело живётся миллиардерам. Чего-чего, а лицемерия, я не терплю.

– Не скажешь... Конечно, со стороны все выглядит замечательно. В пору позавидовать. Я ни в чем не нуждаюсь. У меня без лимитная кредитка. Всю одежду и аксессуары я покупаю в трёх экземплярах, потому что живём мы между Монако, Бейрутом и Абиджаном. В каждой квартире у меня своя гардеробная, и чтобы не возить чемоданы туда-сюда, я покупаю одинаковые вещи. Вот таких сумок у меня три штуки...

– Тяжела жизнь, ничего не скажешь! – не удерживаюсь от подколки я.

Желание признаваться в любви Жанне скрывается за поворотом.

– Да, это я все не о том... Читаю вам заготовленные строки. В общем, шмоток навалом, а ходить в них некуда. Омар меня никуда не выпускает. Вообще никуда. Первые месяцы мы жили в Абиджане, у него там фирма транспортная. Там вообще меня держали под замком, потому что, якобы, город опасный, меня могут украсть, потребовать выкуп... Потом Бейрут. Опять та же история. «Куда ты пойдёшь, ты никого тут не знаешь. Женщине одной гулять опасно. Сиди дома с тётушками, учись готовить хумус». Думаю, ладно, переживу, додержусь до цивилизованного Монако с нулевой преступностью и разгуляюсь наконец. Хрен с маслом! «Куда тебе идти? Продукты купит домработница. Салон через улицу, тебя проводит охранник. Магазины? Пойдём вместе, я лучше знаю, что тебе надо». Ты, Ариш, правильно заметила лифчик. После свадьбы мне кажется, что я превратилась в мусульманскую женщину (хотя Омар христианин). Перед всеми теми немногими выходами в люди, которых я удостоилась за этот год, он непременно должен был одобрить мой наряд. Никаких декольте, голых рук и ног, не говоря уже о спине. Аргумент один «ты же не гулящая женщина!» И тот же, что и у твоего, Ариша, садиста, хоть и более завуалированный намёк на то, что «все вы русские сами знаете кто». И еще я всегда должна выглядеть безупречно. Все-гда! 24 часа в сутки! Даже вообразить невозможно, растянуться дома на диване в выцветшей широкой майке с облупившимся рисунком и любимых растянутых джинсах. С раннего утра я должна быть накрашена, причёсана и одета вот так, как сейчас. Ни дай Бог забыть пшикнуться духами или освежить маникюр, испорченное настроение на весь день гарантировано. А он... он пропадает где-то днями и ночами. У него работа. Работа, на которую он уходит в полночь, и с которой он возвращается со шлейфом чужих духов. «Это деловые встречи, ты ничего не понимаешь» говорит он, а я вижу, как у него бегают глаза.

Помню, я эти бегающие глазёнки, которые за пару секунд истоптали все моё декольте.

– В общем, я целыми днями сижу одна дома и медленно схожу с ума. А недавно у него появилась идея-фикс – хочет наследника. Просто вынь, да положи ему сына. Присралось человеку. Мои «не готова» слушать не пожелал. За руку потащил по врачам. Все вроде у меня нормально (все эти анализы отвратительные вспоминать не хочется), а ребёнок не получается. Чувствует наверно, что не хочу я его.

– Получится, – уверенно утверждает Ариша, опрокидывая в рот очередную порцию «лекарства от душевных ран».

Жанна поднимает на неё усталый взгляд больной коровы.

– Я не хочу, чтобы получилось. Вообще ничего не хочу.

– Да, ладно, Нан, перестань! – пытаюсь внести нотку оптимизма в эту беспроблемную элегию я, – Развод, в конце концов, никто не отменял! Пинком поз зад этого твоего Лангуста, раз он такой гад оказался!

– Лангуста!! – Ариша и Нана разражаются неприлично громким пьяным хохотом, от которого их водостойкая косметика, не выдержав напора, растекается темными струйками по щекам. Спрятавшийся под слоями умело наложенного грима Жанин возраст предательски вылезает наружу сеткой морщинок. Теперь явно заметно, что они с Аришей почти ровесницы.

– Да, никуда меня это ракообразное не отпустит, – хлюпая покрасневшим носом, выдаёт, наконец, Жанна, – Как вцепилось клешнями...

Эта фраза вызывает очередной взрыв бесконтрольного смеха.

– Если хочешь, я дам тебе отличный бабушкин рецепт – Омар в чесночном соусе, можно варить прямо живьём, – подливает масла в огонь Арина.

– М-м, в чесночном соусе, – гогочет Нана, – я его и так не перевариваю, а с чесноком вообще...

Я ощущаю разливающееся внутри тепло. Как же мне не хватало вот таких милых душевных посиделок, щедро одобренных таким дружным безудержным хохотом.

– Ну, Ляль, теперь твоя очередь, – слегка придя в себя и аккуратно подтерев размазавшуюся тушь, обращается ко мне Арина, – Какие гады ползучие встретились на твоём пути за это время?

– Да, давай, Лялюш, скажи нам, что хоть у тебя все в шоколаде, а то, правда, повеситься в пору!

После мощных душевных излияний моих подруг, мне как-то вроде и сказать нечего. Незамужняя и бездетная, я неожиданно оказалась на этом празднике жизни самой удачливой.

– Ну, у меня все по-старому..., – неуверенно тяну я.

– Это ты о мосье Тьерри? – хихикает Ариша, – По-старому... Сколько ему? 65, дедка – ягодка опять?

– Ха-ха, скоро можно будет от него рожать сразу внуков, – поддерживает сильно нетрезвая Жанка.

– Нет уж, рожать это по вашей части, – не остаюсь в долгу я, – Я ещё пока размножаться не надумала.

– Надумаешь, поздно будет. В 65 и так шансы во..., – Арина демонстрирует большим и указательным пальцем расстояние в сантиметр, – А потом только почкованием!

– О, почкованием и я не против! – покатывается супруга ракообразного.

– Вы обе пьяные дурочки, – констатирую я, – Накачались до ушей, и не в состоянии теперь слушать мою печальную историю. Вечно так!

– Это кто это не в состоянии! Давай, давай, вещай! Мы все внимание, – бормочет Жанка, умудрившись с пятой попытки, наконец, прикурить сигарету.

Ариша пытается состряпать на парафиновой физиономии выражение глубочайшей заинтересованности. Несмотря на их откровенность, мне почему-то совсем не хочется распахивать сейчас перед подругами свою душу. Мне кажется, что единственным подходящим в данной ситуации рассказом будет какой-нибудь чёрный ужастик в стиле Эдгара По, выслушав который мои побитые судьбой птички встрепенутся и мысленно порадуются «бывает же хуже!» Но такого у меня за пазухой не припасено, а выдумывать на ходу не хватит воображения. Так ничего и не решив, я молчу в ожидании, что мои слушательницы немного протрезвеют. Однако, как выясняется, мои терзания напрасны. Выждав короткую паузу, Ариша и Жанна возвращаются к оплакиванию своей досрочно загубленной молодости и воспоминаниям тех беззаботных доблестных времён. Я поддерживаю эти приукрашенные временем и фантазией рассказы былины, пытаюсь изобразить энтузиазм. Однако после третьей порции виски внутри у меня образовывается огромный вакуумный пузырь, ловко умудрившийся вытеснить бурлящую черно-белую ораву чувств. Айфоны подруг, как будто сговорившись, одновременно заливаются каждый своей настойчивой мелодией.

– Это Омар, мне пора, – подвижное лицо Жанны накрывает белая трагичная маска.

– Мама. Катюшке, кажется, плохо, – голос Арины холодный и резкий, без единой смешинки, без нетрезво растянутой нотки, заставляет меня вздрогнуть.

Как ни странно, я ощущаю почти облегчение. Девчонки торопят официанта, размахивая кошельками.

– Я заплачу! – вызывается Ариша.

– Даже не думай! Я вас приглашаю! – противится Жанна.

Я не вступаю в спор. У меня нет ни отчима-толстосума, ни мужа-миллиардера, и моя гордость как-нибудь переживёт такое маленькое фиаско.

В результате увесистый счёт оплачивает все-таки Жанна. Мы обнимаемся на прощание. На губах у каждой из нас кроме терпкого привкуса алкоголя такая же горькая фраза «давайте встречаться почаще». Они липнет к помаде, скользит, готовая сорваться, но какая-то мощная невидимая сила удерживает её.

Я возвращаюсь в своё холостяцкое логово. С самого доньшка соскребаю последние остатки сил и, вооружившись ими, стаскиваю с себя одежду и оттираю косметику. Мягкая кровать принимает моё инертное тело в свои тёплые объятия. Вместо того чтобы провалиться в глубокий лечебный сон, я разливаюсь по подушке горячими солёными слезами. Я рыдаю долго и отчаянно, оплакивая свою бестолковую жизнь, Аришкину горькую долю, Жаннин беспрсветный брак и вообще все грустное и трагичное, что есть на земле. Вялый аргумент брюнетки «завтра будет опухшая физиономия и мешки под глазами» в расчёт не принимается. Заснуть мне удаётся только после трёх часов, когда организм окончательно исчерпывает свои слёзные запасы.

Глава 2

Я. Моя новая морщина. И камчатские бобры.

Утро приходит гораздо раньше, чем мне хотелось бы, теребя меня за плечо, лучиком солнца, забираясь под тонкую простыню жарким летним дыханием, хлопая дверьми соседских квартир. Ещё не успев разлепить спаянных вчерашними слезаизлияниями век, я уже понимаю, что ничего хорошего этот наступивший раньше времени день мне не сулит. При попытке сползти с кровати голова сжимается, как скорлупка ореха в зубах щелкунчика, грозясь разлететься по комнате маленькими кусочками. Ротовая полость слиплась отвратительной склизкой несвежестью. И плюс к этим привычным радостям афтер-пати отдельный бонус – перекатывающаяся болевыми волнами спина. «А я говорила» ехидно ухмыляется брюнетка, рассматривая с презрением скрюченную каракатицу, которая ещё накануне была молодой женщиной. «Ты ей говорила – иди на встречу с подругами. И вот что из этого вышло!» резонно замечает блондинка и, заговорчески подмигивает мне «Лучше в зеркало не смотри!» Я и без неё знаю, что от встречи с собственным отражением лучше было бы сейчас воздержаться. Однако врождённый мазохизм заставляет все таки поднять взгляд на беспристрастную зеркальную поверхность. О, mon Dieu! Bordel de merde!⁴ К подобному удару я оказываюсь не готова. В мешках, подобных тем, которыми может похвастаться моё подглазье, небогатая семья из российской глубинки могла бы запасти не один килограмм картошки на зиму. А эта нежно зеленоватая кожа с розовыми вкраплениями сосудов и расширившимися от ужаса перед такой халатностью порами – чем не прекрасный образчик в рекламе – ДО применения чудодейственного крема. Ну-ка, а что это у нас здесь? Нет, не может быть! На левом веке обнаруживает неизвестная мне доселе длинная кривая морщина. Хилый черешок настроения при виде подобного ужаса с головой зарывается в землю. Я принимаюсь тщательно замазывать непрошенную гостью кремом Ла Прери с чёрной икрой. Она миглом сжирает икру, но уходить, похоже, не намеревается. «Надо завязывать с такими беспонтовыми пьянками. Я уже не говорю о бессонных ночах!» наблюдает за моими маяниями брюнетка. «Вообще давно пора найти нормального платёжеспособного мужика и остепениться, наконец. Ездить два раза в год на острова, раз в месяц по европейским столицам, заказывать одежду прямо с дефиле и открыть какой-нибудь благотворительный фонд по спасению галапагосских пингвинов». «Лучше бездомных собачек» возмущает блондинка. «Собачки не круто. Они блохастые и воняют. Нужна какая-нибудь приятная экзотика. Вроде коал или морских котиков. Спросят на какой-нибудь презентации «а чем занимается ваша очаровательная супруга?» А она, так скромно склонив голову «Я спасаю камчатских бобров». Ледяной душ немного встряхивает оставшийся от меня пожилой каркас, сделав дальнейшее существование хоть и не приятным, но хотя бы возможным. «Камчатские бобры» бубню я себе под нос, вылезая из ванны, «Почему бы и нет». Холодильник нахально выпячивается навстречу мне и моему сморщенному желудку белой больничной пустотой. Из коробки Нескафе стыдливо выглядывает последняя красная лишённая спасительного кофеина капсула. Все ясно, придётся прихватить свой непрезентабельный анфас и тащиться в ближайшую булочную. Когда мой организм немного взбадривается свежееиспечённым ушком (которое французы по непонятным мне причинам величают «пальмой») и шоколадным маффином, телефон заводится в сумке знакомой трелью. «Извините за беспокойство, мадам, но вы в прошлом месяце не перевели нам квартплату» сухо ватно информирует меня риэлтор. «Это конец!» вспыхивает алая лампочка в моей голове. Волшебный источник под названием мосье Сешо окончательно и бесповоротно пересох. Мне казалось, я была морально готова вычеркнуть из своей

⁴ французское ругательство

жизни милого женевского пенсионера. Я ведь такая вся из себя непробиваемая железная леди с золотистыми значками евро в пустых глазницах и россыпью брильянтов вместо мозга. Сантименты это не для меня. Пусть ими тешатся глупые курицы, обросшие детьми, стиркой-глажкой и мужьями-лузерами. А я плюну, сотру номер из записной книжки телефона, переступлю через тело предателя на 15-сантиметровых Лубутанах и поспешу вперёд к новым более перспективным горизонтам. Плюну, обязательно плюну. Только вытру слезящиеся на ярком солнце глаза. «Хотя бы позвонил, объяснил» всхлипывает блондинка. «Да, что тут объяснять, и так все ясно. Она ж знала, что рано или поздно все произойдёт именно так. Произошло рано» печально тянет брюнетка. «И не в кассу так!» продолжает причитать светленькая, «У нас сегодня и так трагедия – новая морщина!» «А ты молодец, что напонила» язвит тёмненькая. «А я не плачу, я никогда не плачу. Есть у меня другие интересы», выкатывается откуда-то из далёкого прошлого песенная строчка «Камчатские бобры, например». Я выхожу из булочной в августовское пекло. Мне хочется расплавиться, размазаться по асфальту жидкой бесполезной лужицей, и пусть по мне топчутся прохожие. В глаза бросается пара типичных до тошноты туристов в аляповатых майках, бермудах, кроксах, с рюкзаками Найк через плечо. Нет, уже, чему-чему я кроксам я по себе шлаться не позволю. «Соберись, Елизавета, мы ещё не такое переживали. А ты и подавно. В той, другой, Нормальной жизни, где не было нас» шепчут мне в унисон блондинка и брюнетка. На меня против желания накатывает огромная пузыристая волна воспоминаний.

Я родилась в городе с гордым названием Великий Новгород, в обычной среднестатистической семье, не лучше, и не хуже других. Мои родители могли заслуженно занять место на страничке с заголовком «советский середнячок». Папа, механик на заводе, мама воспитатель в детском садике. Ответственные, порядочные трудяги, строители светлого будущего. Главным словом в нашем доме было прилагательное «нормально». Как дела? Нормально. Как зарплата? Нормально. Как дочка? Нормально. Мы застряли в этой клетке «нормальности», боясь высунуться, чтобы вдруг не оказаться выше, краше, лучше кого-то. Стремление выделиться, выпрыгнуть из общей толпы всячески клеймилось моими родителями и относилось к разряду позорного и (кто бы сомневался) ненормального. Даже эмоции в нашей семье раздавались ограниченными порциями как мясо по талонам. Я ни разу не слышала от мамы и папы пылких признаний в любви ни в свой адрес, ни по отношению друг к другу. Всякие милые прозвища так же не приветствовались, их заменяли строгие «Сергей», «Людмила» и обращённое ко мне сухое «Лиза». Когда мне доводилось увидеть в гостях у подружки её обнимающихся и нежно целующих друг друга в щеку родителей, я невольно краснела от такого «неприличного» зрелища. Потом страну сотряс вихрь перестройки, и принужденную одинаковость наравне с порядочностью официально отменили. Отовсюду как черныбыльские грибы нагло поплёрли бессовестные бритоголовые нувориши. Мама с папой впились зубами в корму утопающего Союза и им удалось-таки, помотавшись вверх и вниз по волнам, остаться на плаву. Правда, уютную двушку в центре Новгорода, пришлось сменить на схожую по площади, но сильно проигрывающую по месторасположению, квартиру в посёлке Чечулино. Мне сразу не пришлась по душе потрёпанная пятиэтажка с выцветшей надписью «Слава Труд» на сером боку, неказистый двор со змеящимися по траве канализационными трубами (а зачем закапывать, если так гораздо проще) и старенький дребезжащий автобус, который отныне должен был отвозить меня каждое утро в школу. А что было делать. «Зато, какая тут природа» говорила мама, «И сметана свежая, настоящая, такая густая, что ложка стоит». А я ненавидела эту жирную сметану и тихонько счищала отвратительную бело-жёлтую массу в мусорник. Когда ситуация в стране немного устаканилась, родители «разорились» на участок земли в полчасе ходьбы от нашей пятиэтажки. Этим десяти соткам досталась вся полагавшаяся мне любовь. Каждый выходные, невзирая на метеорологические условия, мама с папой отправлялись на «дачу». Они сколотили там из старых серых досок кургузую

хибарку, обклеили это архитектурное чудо изнутри старыми газетами, и были искренне рады, что теперь на любимом огороде можно было и заночевать. На фоне мощных деревянных изб новых русских, это хиленькое чучело выглядела смешно. Но хозяев не смущал контраст. Быть хуже кого-то им не казалось позорным, страшно было выглядеть лучше и, не дай Бог, спровоцировать зависть. Надо признаться, что определённая толика здравого смысла в их суждениях все-таки была, потому, как близлежащие дубовые хоромы периодически грыз подпущенный доброжелательными соседями красный петух. Первое время я исправно ходила на «фазенду» и прилежно кормила комаров (а этих прожорливых насекомых там было видимо ни видимо) в позе испуганного страуса. Потом меня зацепил вирус переходного возраста, и я вежливо, но твёрдо заявила, что отныне свой досуг буду планировать иначе. Родители сдержанно повозмущались для виду, но мне показалось, что сильно моё заявление их не расстроило. По окончанию школы меня общим потоком занесло на модный в то время экономический факультет. Я училась без энтузиазма, вкладывая в занятия 40% своей энергии. Оценки получались средненькие, что вполне устраивало и маму с папой и меня саму. На последнем курсе в моей размеренной «нормальной» жизни случилось ЧП. Я влюбилась. Будучи воспитанной в традициях социалистического равенства, я всего на всего последовала примеру подруги Светы, которая потеряла свою кудрявую голову при виде новичка из параллельного потока Дениса Забельского. Держать свои чувства при себе Светлана не умела (сразу видно, не наше воспитание) и потому без устали выплёскивала их на меня. Наслушавшись цветистых дифирамб в адрес замечательного Забельского, я как-то невольно сама увлеклась этим безупречным персонажем. Денис и правда был красив: тёмные густые волосы, пронзительные (такими они виделись Светлане) изумрудные глаза, прямой нос, чувственные (опять же её прилагательное) губы, волевой (!) подбородок – и в дополнении ко всему этому богатству ещё и спортивное тело на длинных ногах. В общем, много ли надо 18-летней барышне, не нагруженной тяжёлым коробом опыта, чтобы придумать себе любовь. Самым странным в этой истории было, пожалуй, то, что мои чувства не остались безответными. Великолепный Забельский, по лично мне непонятным причинам, проявил внимание к моим скромным прелестям. Ясное дело, первое же приглашение в кино пробило неисправимую трещину в нашей со Светой дружбе. Меня пару ночей погрызла совесть. Выходило вроде как, что я увела у подруги парня, хотя кроме как в фантазиях последних отношений у них никогда не было. «Нехорошо получается» шептал мне на ухо мамин голос «Чем ты лучше Светки?» Мне не хотелось быть лучше, но отказаться от встречи с прекрасным Денисом я в себе сил тоже не наскребла. Мы начали встречаться. Все как полагается – прогулки у реки, поцелуи на скамейке, мороженное, проводы до дома и редкий секс в отсутствие родителей. До Забельского у меня была парочка первооткрывателей, своей неуклюжестью и отсутствием элементарных постельных навыков, едва не пробудивших во мне стойкое отвращение к противоположному полу. И я ждала, что теперь все будет по-другому, что в объятиях любимого мужчины передо мной рассыплется, наконец, всеми цветами волшебный калейдоскоп удовольствия. Подготовительные ласки действительно оказались хороши. От них по всему моему телу разбежалась стая больших пушистых мурашек. И то самое заветное чудо промелькнуло где-то совсем рядом. Мне казалось, что в следующий раз я непременно смогу ухватить его за хвост, и тогда я пойму, что значит, на самом деле быть женщиной. Но время наших сексуальных экзерсисов было всегда ограничено (вот-вот мама с папой пожалуют с огорода), а родительский диван пронзительно скрипел, мешая сконцентрироваться. Чтобы не расстроить усердного партнёра, я всегда выражала бурный восторг по поводу его перформанса. Денис расплывался в самодовольной ухмылке. А я все надеялась, что в следующий раз чудо непременно произойдёт и твердила себе, что люблю этого мужчину. Потом наступила зима, и дачный сезон закончился, лишив нас нашего любовного уголка. Я ждала, что Забельский найдёт новое убежище для сексуальных забав, но он вместо этого взял

и появился к моим родителям с букетом подвявших роз и предложением руки и сердца. Другая девица (Светка например) на моем месте взвилась бы в потолок от радости. Я, старательно растягивая губы в улыбке, подкладывая жениху салата Оливье, и одновременно пыталась отыскать внутри себя тёплый комочек под названием «счастье». Но последний почему-то не обнаруживался. Эмоции после долгих лет гонений, похоже, окончательно покинули наш дом. Папа с мамой деревянно улыбались, задавали Забельскому стандартные, не слишком личные вопросы. После ужина, когда мы уединились в моей комнате, Денис сказал мне «Странные у тебя какие-то родители. Я не понял, рады они или нет». «Нормальные» пожала плечами я. Мать Забельского (отец присутствовал только на черно-белых семейных фото и, как мне объяснили, героически пал за Родину ещё до рождения сына) приняла будущую невестку в штыки. Я слышала, как она громким шёпотом комментирует на кухне мою внешность. Эту пожилую рыхлую женщину можно было понять. Единственный, самый важный, самый замечательный мужчина её жизни уплывал в руки какой-то среднестатистической самозванки. Не смотря на недовольное кряхтение старшей Забельской, свадьбу все-таки сыграли. Традиционную, малобюджетную, не лучше и не хуже, чем у других. С красно-белосиними гроздьями шаров, брызгами тёплого Советского шампанского, фотосессией на берегу Волхова, подковой столов в съёмном зале общества глухих и одинаковыми тостами. С приготовленными подругами плакатами, пестрящими поговорками вроде «муж и жена – одна сатана», пьяненьким тамадой и его нехитрым поношенным реквизитом, незамысловатыми конкурсами вроде «найди свою жену, ощупав попки всех собравшихся гостей», хитами Верки Сердючки и вереницей нетрезвых приглашённых, без усталости орущих «горько». Мои родители досидели до конкурса по задоошупыванию, а потом, поочерёдно клюнув меня в щеку и пожелав счастья, степенно удалились. Я почему-то ощутила себя преданной. А когда в первую брачную ночь уплывавший и упившийся водка-шампанским муж захрапел лицом к стенке, не удосужившись даже стащить ботинок, это ощущение усилилось. Аргумент «у всех так» не произвёл обычного утешающего действия. До свадьбы мне казалось, что, сменив простенькую Кравченко на элегантную Забельскую, я как по взмаху волшебной палочки превращусь из замарашки в королеву, и моя сероватая жизнь заиграет всеми цветами радуги. Однако, на следующее утро после сомнительного праздника, я проснулась точно такой же. Разве что немного более помятой чем обычно. Мои родители подарили нам денежный залог на съёмку квартиры, а мамаша Забельского расщедрилась на горящий тур в Анталию (самое дешёвое и потому самое популярное в те времена направление). Я упорно ждала чуда. Ладно, свадьба разочаровала, но уж медовый месяц должен был непременно выдаться настоящим, сочным, сладким, переполненным охами-вздохами и любовными признаниями при луне. Но судьба-подлюка, сговорившись с новоявленным муженьком, и тут решили подложить мечтательнице жирную добротную свинью. Уже в самолёте выяснилось, что разговаривать нам с любимым в общем-то и не о чем. Его, впрочем, подобная мелочь не волновала. Он спокойно вооружился наушниками от плеера и погрузился с головой в пёстрый журнал о мотоциклах (на которых периодически мелькали раздетые фигуристые блондинки). В отеле ол-инклюзив Забельского больше всего привлекли обильная и разнообразная еда и разноцветные коктейли в огромных бокалах с бумажными зонтиками. После мощного завтрака, он, с трудом выкатившись из-за стола, спешил занять наиболее выигрышно расположенный лежак у бассейна, и коматозил до обеда. За следующим приёмом пищи следовал аналогичный сценарий. Предложенные мной экскурсия в Каппандокию, рафтинг, джип-сафари и даже тур по местным фабрикам с реальной возможностью отхватить себе майку с логотипом Шанель или недорогую дублёнку не вызвали у моего мужа энтузиазма. «Мы приехали отдыхать» аргументировал он своё однообразное пролёживание боков. Ладно, черт с ней, с турецкой Шанелью, но мне отчаянно хотелось испытать наконец этот необыкновенный фейерверк эмоций, которому ранее препятствовали неудобные жилищные условия и подлый

диван. Разве не за этим мы вообще припёрлись в это чудное райское местечко? У Дениса на сей счёт было явно иное мнение. Днём занятиям физическими упражнениями не способствовало набитое доверху пузо, по вечерам же в баре у бассейна выдавали бесплатное алкогольное пойло в неограниченном количестве. Ясный перец, что редкий турист способен был отказаться от подобной манны небесной. Во всяком случае, мой Забельский к этим редким трезвенникам не относился. Пару-тройку раз супружеский секс все-таки заглянул в наш номер. Но, будучи сильно навеселе, этот редкий гость оказался торопливым, грубоватым и напрочь лишённым воображения. «Я все равно люблю его» думала я, разглядывая своего похрапывающего на лежаке мужа, «Когда мы вернёмся домой, все будет замечательно». Возвращение домой, однако, вместо морального и физического единения принесло нам хлопоты переезда, серые рабочие будни и холодный осенний дождь. Мамаша Забельская устроила свою кровиночку аж зам директором в солидную контору. Денис ходил на службу, гордо вскинув красивую голову, в единственном, но приличном на наш взгляд костюме, рубашке, галстук и начищенных мной ботинках. Мне удалось устроиться клерком в ближайший банк. Работа не хухры-мухры, конечно, по сравнению с мужниной должностью. Забельский презрительно называл мою трудовую деятельность «работкой». Объединив его жирную зарплату и мои крохи, мы неплохо обставили съёмную двушку. До модного в те времена евроремота не дотянули, но обои поклеили новые (в мелкий жёлтый лютик), установили мебель польского производства и сменили заскорузлый розовый кафель в ванной на крупную лиловую плитку. Я возвращалась вечером в своё с любовью обустроенное гнездо, но удовлетворения почему-то не чувствовала, не говоря уже о пресловутом счастье. Тремя месяцами позже директор Забельского скрылся в неизвестном направлении, предусмотрительно опустошив кассу компании. Дениса затаскали по судам, хорошо хоть благодаря связям мамыши не посадили. Источник лёгких денег иссяк, и работника с такой заляпанной репутацией на престижные должности брать не спешили. Забельский от такой несправедливости впал в глубокую депрессию. Он целыми днями лежал на диване, уставившись в телевизор, и отлеплялся исключительно для похода в туалет. Со мной разговаривать стал сквозь зубы. Очевидно, я была признана в сложившейся ситуации виновной. «Мальчика надо понять и поддержать» заявила мне свекровь, притащившись к нам как-то вечером, «Такой тяжёлый удар для его нежной психики! Ты же знаешь, депрессия это серьёзная болезнь! Ты просто обязана ему помочь». Я все понимала. После работы бежала в магазин за продуктами, готовила дома вкусный ужин, подавала еду прямо в гостиную, собирала с пола пустые пакеты от чипсов и банки от пива... и все это с милой улыбкой вроде как так и должно быть. Пару раз я пыталась растормошить депрессивного эротическим шоу, но болезный только морщил свою симпатичную физиономию в плаксивую гримасу «уйди, и без тебя тошно». Я поплохела и осунулась. Мужчины больше не оборачивались мне вслед. На уход за собой не хватало ни времени, ни средств. Однажды, притаранив на пятый этаж (лифт в тот день не работал) тяжеленную торбу продуктов, я взялась расстёгивать старые сапоги в коридоре, а молния, как на зло, заела. Я сползла на пол и разрыдалась так громко и отчаянно, что даже приросший к дивану Забельский вылетел стрелой в прихожую. «Умер кто?» выдал он единственную возможную причину для такого отчаянного крика души. «Да! Я!» выдавила я сквозь всхлипы. «Заболела?» ужаснулся диваножитель. Моё нечленораздельное хлоппанье прозвучало как положительный ответ. Потом на кухне после третьей чашки нервного сбора, я призналась, что грызёт меня изнутри не страшная болезнь, а прожорливый паразит по кличке «быт». На Забельского мой эмоциональный выкидыш оказал положительное действие. Уже на следующий день он встряхнулся, сходил в дешёвенькую парикмахерскую в соседнем подъезде, втянул выкатившийся за недели спячки животик, побрызгался Готье Нотте местного разлива и объявил, что отныне будет искать работу. В моей душе вспорхнула пёстрая бабочка с мелкими вкраплениями надежды и счастья на бархатных крылышках. Благих намерений Забельскому хватило на две недели. Потом начались гневные тирады про

«козлов работодателей» и их неспособность оценить манну небесную, свалившуюся на их тупые рогатые головы в виде его замечательной кандидатуры. Я чувствовала, что ещё немного, и моего непризнанного гения опять примагнитят два верных товарища – телевизор и диван. Но тут на нас обрушилась невиданная удача (спасибо Богу и мамаше Забельской) – Денису предложили должность гравбуха в местной строительной компании. Платили немногим больше, чем мне на моей «работке», но приставка «главный» приятно ласкала мужское самолюбие. Наша семейная лодка выровнялась и нехотя потащилась вперёд по волнам. На неделе мы виделись только по вечерам и едва обменивались парой малозначительных фраз (дивано-телевизор ведь никто не отменял). Супружеский секс был редким, поспешным и однообразным. Денис не считал нужным менять удобную и эффективную (для него) миссионерскую позицию. А мне уже было все равно. Мои яркие фантазии затерялись в серо-чёрной палитре будней. По выходным мы обычно ездили на огород к родителям. Денег на кино, рестораны и прочую бесполезную трату времени Забельскому было жалко. Тёщин домашний шашлык был на его взгляд в сто раз вкуснее любой «чужой жратвы». Он делал вид, что участвовал в процессе поджаривания этого самого шашлыка на ржавом мангале, в то время, как вы с мамой стригли овощные салаты. Посмотреть со стороны, не семья, а сплошная рекламная идиллия. А меня обуревала зелёная, как листья дачных лопухов, тоска. «Что так всегда и будет?» спросила я как-то у мамы, используя нарезания лука как предлог пустить скупую слезу. «Как так? Нормально вроде живете? Все как у людей» подняла на меня непонимающий взгляд родительница. «Мне кажется, я не счастлива» всхлипнула я. «Не гневи Бога, Лиза. Муж у тебя верный, работа неплохая, что ещё надо?» «Хочется праздника. А у меня с Денисом одни сплошные бесконечные будни». «Так жизнь это и есть будни! Почему, думаешь, все фильмы и романы кончаются свадьбой? Потому что дальше неинтересно». Мамина реплика прозвучала как приговор. Я подумала, что следуя шаг в шаг её примеру. У них с отцом тоже не было общих занятий кроме этого окаяннго огорода. Вроде вместе, а вроде и каждый сам по себе. «Ребёнка лучше заведите. Вся дурь из головы выветрится!» дала она мне дельный совет, не замечая моих совсем не «луковых» слез. Слава Богу, у меня хватило ума не последовать ему. Мне шёл 26-ой год, когда однажды к нам в банк заявила иностранная делегация повышать нашу квалификацию. После длинной и скучной конференции принимающая сторона пригласила гостей в ресторан «Золотой погребок», славившийся в Новгороде своими наваристыми щами и отменной кулебякой. По проискам плутовки судьбы я оказалась за столом напротив видного итальянца со звучной фамилией Фортунатти. Под его пристальным зовущим взглядом мне в горло не лезли ни щи, ни кулебяка. Внутри меня пробудилась усыпленное Денисом горячее пульсирующее желание. Фортунатти принял мои пылающие щеки за сигнал к действию и ненавязчиво предложил пропустить по бокалу у него в номере. Верной и честной жене, следовало непромедлительно отказаться. Я послушно последовала за незнакомым мужчиной, гонимая неведомым доселе зовом тела. В уютном полумраке гостиничного номера итальянец протянул мне бокал густого рубинового вина, заглянул в глаза и нежно провёл пальцами по моей щеке. От последовавшего за этим поцелуя у меня подкосились ноги, и по коже засеменили миллионы маленьких дрожащих мурашек. Они сбились в кучу и скатились вниз живота, призывно пульсируя. Фортунатти никуда не спешил, наоборот он нарочно растягивал свои умелые ласки, чтобы довести партнёршу до исступления. В ту ночь я впервые испытала восторг от физического единения с мужчиной. И это открытие перевернуло все моё мировоззрение с ног на голову. Домой я заявила далеко за полночь. Денис возлежал в привычной позе (одна рука в пакете с чипсами, другая, нырнув в штаны, охраняет младшего друга) перед кишашим роботами боевиком. «Че так долго?» рявкнул он в мой адрес, не отрывая взгляда от экрана. Я прошла в комнату и плюхнулась в кресло. «Скажи ему! Давай же! Посмотрим, как вытянется его физиономия! Может, даже чипсами подавится!» прорезался в моей голове

ранее незнакомый мне посторонний голос. «Я тебе изменила» послушно выговорила я. Денис отлепил глаза от киборгов и уставился на меня с неподдельным изумлением. «Будем разводиться» продолжила я. «Погоди, чего так сразу! Объясни, что к чему. Может, я тебя прощу». Я представила себе, как все последующие годы при любом удобном и неудобном случае Забельский будет плевать мне в лицо этой моей «ошибкой» и махать перед носом своим великодушным прощением. Но страшнее казалось даже не это. Страшнее было остаться в этом беспросветном, пестрящем жёлтыми лютиками болоте и медленно разлагаться день за днём. «Ты достойна лучшего» громко прозвенел голос, и я увидела его обладательницу – молодую очаровательную блондинку, имеющую отдалённое сходство со мной. Моих родителей известие о разводе ввело в ступор. Подобное непредвиденное изменение вектора нормальности никак не хотело укладываться у них в голове. «Почему, Лиза, что случилось? Денис изменил тебе?» допытывалась мама, усадив меня на кухне за тарелкой борща. Я неопределённо пожимала плечами, стараясь изо всех сил придать лицу полагающееся по ситуации скорбное выражение. «Ну, и что такого! Мужчины они такие! Это, можно сказать, даже нормально. Зачем разрушать семью из-за такой ерунды?» В приятной роли жертвы, однако, я пробыла недолго. Забельский поспешил растрезвонить всей округе истинную причину нашего расставания. Однажды вечером папа вернулся с работы чернее тучи и, мрачно отодвинув дымящуюся гречку с котлетами, в ответ на мои приветствия демонстративно отвернулся к окну. Потом я слышала, как он жаловался маме: «Боже, какой стыд! Где это видано, чтобы женщина так себя вела! Кого мы воспитали? Все вроде правильно делали, как надо, как все! И вот, пожалуйста! Как я теперь людям в глаза буду смотреть?» Выходило, что муж-гуляка – это была приемлемая норма, а сбегавшая на сторону жена – достойная всяческого порицания падшая женщина. Я ловила на себе укоряющие взгляды знакомых, слышала нарочито громкий шёпот бабулек из подъезда у себя за спиной, и периодически, закрывшись в туалете, становилась невольной свидетельницей сплетен коллег. «И чего ей только не хватало?» ворчала менеджер по персоналу Аня (которая уже много лет набивалась мне в лучшие подружки) «Муж-красавец! Аннет, зачесалось одно место. Кто любовник-то, не в курсе? Она к нему вообще ушла?» «Говорят, иностранец» раздавался в ответ звонкий голосок секретарши Любы. «Она к нему хотела переехать, да нужна она ему больно! У него за границей своя есть!» «Так ей и надо! Осталась у разбитого корыта» счастливо хохотнула Аня. С роковым мужчиной Фортунатти, кстати, я с той памятной ночи больше не виделась. Он не оставил мне своих координат, да и я, честно говоря, не стремилась взрастить из этой случайной яркой вспышки нечто продолжительное и серьёзное. Пару месяцев спустя страсти вокруг моей подлой измены немного улеглись. Отец постепенно начал общаться, пусть холодно, но все же, с опозорившей семью дочерью. Коллеги переключились на роман 65-летнего начальника с 21-летней официанткой из банковского кафе. Как-то вечером я зашла на бывшую квартиру за забытыми впопыхах побега вещичками. Дверь мне открыл гладко выбритый, источающий аромат недорогого рыночного парфюма Денис в чистой (!) футболке и немодных, но опять же не заляпанных никаким кетчупом джинсах своего размера. Обычно мой бывший муж предпочитал возлечь на диване в сальной майке-алкоголичке и растянутых «трениках». Из-за его спины на лестничную клетку выплывал умопомрачительный аромат запечённой курицы. Узрев на пороге изменницу, Забельский расплылся в довольной улыбке (должно быть, решив, что я пришла каяться). Выслушав цель моего визита (и не поверив) галантно пропустил в дом. Квартира так сверкала чистотой, что этот непривычный блеск в комплекте с белыми ручной вязки салфеточками резанули мне глаз. Представить, что Денис самостоятельно помылся и побрился, я ещё могла, а вот за вязанием этих старушеских кружев бывшего благоверного упорно не видела. Мою прорезавшуюся догадку моментально подтвердило появление в комнате третьего персонажа – Светланы (той самой, что была влюблена в этого мужчину-мечту в универе). Забельский собственнически подхватил ее за талию, и они оба

установились на меня с горделивым вызовом. Не знаю уж, чего они ожидали, слез, раскаяния, битья головой о стену, но моё спокойное безразличие явно разочаровало сладкую парочку. Приглядывая, чтобы незваная гостья не прихватила лишнего, они демонстративно лапали друг друга и обменивались всякими приторными «зайчишками» и «котиками». Я поспешила завершить побыстрее свою миссию, потому что взирать на это безобразие было откровенно неприятно. Шагая домой, я думала о Денисе, о себе, о Свете. Вот ведь как он расцвёл в её умелых руках. Так и светится как медный таз. А мои руки, выходит, были неумелые? Мало было, что я пахала за двоих и кормила его, надо было ещё следить, чтобы он чистил зубы и брил область бикини. И была бы у нас нормальная, приличная семья с общепризнанным штампом качества. Но нет, снесло меня с правильного пути итальянским ветром, и я, застряв на распутье, не знала, куда держать дорогу дальше. Жить с родителями в 26 лет и спать в комнате, набитой старыми плюшевыми игрушками и обклеянной плакатами Spice Girls было как-то стыдно. Причём стыдно не перед коллегами в банке, не перед приятельницами, которые уже вовсю катали по двору коляски, а перед самой собой. Головокружительная карьера мне в ближайшее время (и вообще в этом хилом филиале банка) явно не светила, но на отдельную трущобу с очередными лютиками на стенах моей зарплаты хватило бы. И я уже начала просматривать объявления, когда подруга Катя пригласила меня на свой день рождения. Там я и познакомилась с греком Василиосом. Последний приехал в русский город на встречу с интернетной знакомой Зиной, которая при ближайшем рассмотрении оказалась толстой рыжей веснушчатой девахой, не имеющей ничего общего с посланной бедняге Василиосу фотомodelью. В то время с растущей доступностью Интернета сайты знакомств вообще полезли отовсюду как улитки после дождя. На реальные встречи решались пока немногие, а вот «чатились» с экзотическими европейцами почти каждая уважающая себя студентка, не успевшая вовремя выскочить замуж за соседа Петю. Разочарованного грека Васю Катерина зацепила прямо на улице. Точнее зацепил его он банальным вопросом «как пройти куда-то там». Катя не осталась равнодушной к его жгучим глазам цвета бархатной кипрской ночи и ловким комплиментам, которые этот умелец ловко вплетал в любую фразу, и даже удостоила приглашением в гости. В последствие она, должно быть, пожалела о своем необдуманном поступке, потому что тем вечером впечатлительный заморский красавчик предпочёл мои светлые кудри её темным локонам. Я, наученная неудачным опытом с Забельским и Светланой, вовсе не намеревалась вероломно рвать с корнем свежий побег чужих отношений. Но Василиос прилип ко мне намертво, и моим вялым аргументам внимать отказался наотрез. В результате ушли мы все-таки вместе под злобный шёпот девчонок и смертоносные пули Катиных взглядов. Через две недели я взяла отпуск на работе и отправилась вместе с новым кавалером на его родину – солнечный остров Кипр. Мама с папой от подобного известия просто позеленели с ног до головы и слились по цвету со своими огородными питомцами. Собирая чемодан, я слышала хриплый папин стон из гостиной: «Моя дочь – валютная проститутка!» Мне показалось, что общее горе родителей даже как-то сблизило. Впервые за всю мою жизнь я увидела, как мама держит отца за руку. Подобная невиданная в нашей семье тактильность поразила меня до глубины души. Зато нарушившую неписаный устав дочь единогласно признали изгоем, гнилым яблоком, укатившимся в канаву от безупречной яблоньки. «Ну, и фиг с ним» пожала плечами блондинка. Кипр сбил меня с ног своими яркими, утыканными пальмами пейзажами, нежно изумрудной морской гладью, изумительно вкусной едой и шелковистым местным вином. В таком перевернутом состоянии я пробыла все отмеренные семь дней отдыха. Василиос неустанно забрасывал меня охапками комплиментов. Ему удалось растолкать дремавшую во мне годами красивую женщину. Не просто обычную, нормальную, как все... А красивую! Ведь до этого молодого киприота никто и никогда не почивал меня подобными лестными прилагательными. Большим максимумом того, что мне удалось выжать из Забельского, было «ты мне нравишься».

А говорить о любви Денис считал такой же недостойной настоящего мужика слабостью, как, скажем, брить подмышки. Василиос же осыпал меня словестной нежностью с ног до головы каждый день с утра до вечера. И эта интенсивная терапия пошла мне на пользу. Я загорела, похорошела, поправилась на два килограмма в нужных местах и, кажется, даже начала постигать запрещенную родителями науку быть счастливой. Когда пришло время уезжать, я представила себе хмурые лица опозоренных отца с матерью, завистливые ухмылки соседей и коллег, глупые пыльные морды плюшевых игрушек, кислую мину начальника, и решение созрело моментально. «Как это не приедешь?» удивленно зашелестел в трубке мамин голос. «А работа? Ты что, Лиза! Так нельзя!» «Отныне я буду сама решать, что можно, а что нельзя. Пока, мама!» сказала за меня блондинка. Мне без труда удалось найти «работку» в туристическом бюро в Ларнаке, знаний русского и английского хватило с лихвой. Пылкие отношения с Василиосом протянулись еще месяц. Потом меня начали раздражать сотни бесконечных однообразных эсэмесок: «где ты, любовь моя?» «почему так долго?» «я сейчас умру, если ты не приедешь!», засорявшие без устали мой телефон. Однажды я не пришла, и он вопреки обещаниям не умер. Хотя отколупать его окончательно с красочной поверхности своей новой кипрский жизни вышло не сразу. Василиос еще долго караулил меня после работы, тащился следом, забрасывая признаниями в любви, плакался, как несчастен без меня. Пришлось пойти на крайние меры и переспать с мощным вышибалой из Айа-Напского ночного клуба. Потом у меня была еще целая охапка разнообразных киприотов. Все они подобно Василию ловко плели сети комплиментов, были через чур восторжены во время секса и давали обещания, исполнять которые не собирались (не «я сейчас умру» разумеется). Я уже начала немного ориентироваться в греческой постельной лексике, когда на моем пути возник Маркус. Мы встретились на организованной общей знакомой русской киприоткой Ксенией вечеринке. На первый взгляд, мужчина как мужчина, среднего роста, заметно старше меня, приятной, но не запоминающейся наружности. Но стоило мне погрузиться с его биополе, как в животе у меня впорхнула разноцветными крылышками огромная стая крупных бабочек. Была в Маркусе какая-то невидимая, неосязаемая магнетическая сила, какая-то завуалированная, но мощная притягательность, какое-то скрытое обещание чуда. Его мягкая, бархатистая, слегка насмешливая улыбка, приятный баритон и неповторимый густой мужской запах заставили бабочек вылететь на поверхность и разбежаться по моему телу миллионами предвещающих удовольствие мурашек. Он пригласил меня в ресторан, и я, ни секунды не раздумывая, согласилась. Завязавшиеся далее отношения разительно отличались как от сухих трудовых будней с Забельским, так и от слезливых воспеваний Василиоса. Это было нечто особенное, как мне тогда казалось, настоящее. По окончании своей миссии на Кипре, Маркус позвал меня с собой в Лондон. Он был экспертом-консультантом в судостроительстве, и его профессиональная деятельность подразумевала частые разъезды. Однако большее количество времени Маркус проводил в своей лондонской резиденции, где я в скором времени сделалась полноценной хозяйкой. Серый Лондон поразил меня не меньше красочного Кипра. Я почувствовала себя Фросей Бурлаковой, приехавшей из тьмы таракани покорять столицу. Боже мой, Какие тут были магазины, музеи, рестораны! А какими разными, не похожими друг на друга оказались жители столицы! Я как-то сразу прониклась любовью и уважением к этому вечно бурлящему жизнью пестрому многогранному муравейнику. Маркус не настаивал, чтобы я работала. Даже наоборот, говорил, что ему приятнее видеть меня вечером улыбающуюся и полную сил (которые, разумеется, стоило потратить на любимого мужчину). Вначале это непривычное избыточное свободное время меня немного тяготило. Потом я обросла парой-тройкой ненавязчивых приятельниц, с которыми можно было вести пустые беседы за чашкой кофе и маффином, и завела себе приятное хобби – шоппинг. Мне доставляло удовольствие пролистывать килограммы модных изданий, выбирать симпатичные вещички (как правило, недорогие)

и при их помощи постоянно менять свой стиль. Маркуса мое увлечение не беспокоило, регулярно покидающие банковский счет небольшие суммы были для этого состоятельного бизнесмена каплей в море. А закупаться в серьезных брендовых магазинах я в ту пору не решалась. Очень скоро подобное безмятежное существование, лишенное мучительных утренних подъемов (оказалось, что я от природы сова), транспортной толкучки и придириков начальства сделалось для меня привычным. Я с недоумением вспоминала измученную замухрышку Лизу Забельскую, которая перла домой тяжелые пакеты с продуктами, стряпала мужу-бездельнику нехитрый ужин, падала в изнеможении на твердую кушетку и вздрагивала каждое утро в 6 часов от резкого звона будильника. И это бесконечное хождение по мукам мои родители величали «нормальной жизнью»? Кстати о них, о моих пренормальнейших маме с папой. С тех пор как я переехала в Лондон, наше и без того не очень активное общение совсем заглохло. По телефону они отвечали сухо и сдержано, от видео-сеансов в Скайпе отказывались, ссылаясь на отсутствие компьютерных навыков. Не могу сказать, что этот, выражаясь молодежным сленгом «игнор» меня сильно беспокоил. Моей семьей стал Маркус, воплотив в себе отеческую заботу, дружескую поддержку и нежность любовника. Не могу сказать, что я сгорала от любви к нему. Наверно мне вообще не свойственны гипертрофированные эмоции. Во время его длительных и частых деловых поездок я не имела обыкновения забрасывать своего добытчика грудой бессмысленных слюнявых посланий. Он привычно звонил мне два раза в день, утром и вечером, узнать, все ли в порядке. Мне этого хватало. И ему, я была уверена, тоже. Ведь тон отношений, как правило, задает мужчина. Однако вскоре выяснилось, что считать себя знатоком мужского пола оснований у меня не было. Однажды (словосочетание «один прекрасный день» к этому эпизоду моей биографии точно не подходит) Маркус, спеша на работу, забыл закрыть свой профиль. Любопытство с маленькими чёртиковыми рожками дернуло меня заглянуть в столь откровенно распахнутый монитор. Я ожидала увидеть там что угодно, только не представившуюся моему взору ошеломляющую картину. Мой Маркус длительное время состоял в активной переписке с некой Оливией, обладательницей легкомысленного ника «Оле-оле». И, похоже, что перепиской дело не ограничилось. «Изнемогаю от любви и желания» бессовестно строчила эта красная тряпка «Когда же мы увидимся, любимый?» Виделись они часто. Ровно в те временные отрезки, на которые приходились командировки моего кораблестроителя. Мои вытаращенные глаза ошалело носились по экрану, глотая одну горькую пилюлю имейла за другой. Последняя, датированная сегодняшним днем, застряла в горле, заставив закашляться. «Я мечтала сказать тебе об этом, глядя в твои необыкновенные шоколадные (поэтесса недоделанная!) глаза. Но, к сожалению, придется ждать еще две долгих недели, прежде чем я могу сжать тебя в своих объятиях! Мой родной, милый, любимый, я беременна! Это такое счастье!» Дальше лился еще целый ручей восклицательных знаков, но врожденный инстинкт самосохранения не позволил мне окунуться в него с головой. «Вот сволочь! Как он мог!» забилась в истерике моя блондинка. «А ведь Маркус специально не закрыл свой профиль и оставил компьютер включенным» прозвучал сквозь ее рыдания незнакомый ровный голос. «Ему просто не хватило смелости рассказать тебе правду, глядя в глаза». Тогда в этой шикарной лондонской квартире, которая в одночасье перестала быть моей, меня, пораженную громом неожиданного открытия, впервые посетила рассудительная дамочка с темной шевелюрой и моими чертами лица. Мой теплый комфортный мирок разорвало на части взрывом предательства. Мне хотелось разрыдаться, но слез как назло не было. Было одно лишь горькое сожаление о всех тех приятных привычках, что мне предстояло потерять с уходом Маркуса. И еще немного серого дребезжащего страха перед заступившей на порог неизвестностью. Вечером у нас состоялись «разборки». Некогда мой, а теперь совершенно чужой мужчина ничего не отрицал и ни в чем не раскаивался. Этот наглец даже попытался свалить часть вины на мои хрупкие женские плечи. «Ты холодная. Я замерз с тобой» заявил сдержанный бизнесмен, ни разу не признавшийся мне по-настоящему

в любви. Меня так и подмывало обрушить на его подлую поредевшую макушку ведро ответных обвинений. Но мудрая брюнетка заткнула мой открывшийся уже в возгласе негодования рот. «Тебе выгоднее остаться его другом» прошептала она мне на ухо «Обозвать этого гада козлом рогатым ты сможешь, когда у тебя будет жилье и копеечка на счету. А пока лей слезы по обманутой любви». Я так и сделала. Маркуса мои всхлипывания удивили и даже немного растрогали. «Прости меня» выдавил он, состроив мучительную гримасу, «Конечно, я тебе помогу первое время. Ты ни в чем не будешь нуждаться». «Буду! Я буду нуждаться в тебе» подкинула бровнышек трагизма в загоревшийся между нами огонек былой страсти я. Расчет оказался верным. Вместо того чтобы облегченно хлопнуть дверью, сбежав от разъяренной мегеры, Маркусу пришлось по возможности заглаживать свою вину перед незаслуженно обманутой влюбленной женщиной. Он нашел мне жилье, и оставил в моем распоряжении кредитную карточку до того времени, когда я обзаведусь работой. Однако снова водружать себе на спину тяжелое бремя трудовых будней у меня не было ни малейшего желания. Искать платежеспособного спутника оказалось намного увлекательнее, нежели рассылать СиВи и таскаться по унижительным собеседованиям. Перебрав несколько состоятельных британцев, я, устав от серости и морозящего дождика, уложила в чемоданчик блондинку и брюнетку и уехала в гости к морю, солнцу и новым впечатлениям. В Канны.

Как же некстати на меня обрушился этот пыльный ворох воспоминаний! И так настроение ниже нуля. И морщина эта новая. Гордо взирает на меня из зеркала, и убираться восwo-яси, похоже, не намерена. Я еще раз тщательно намазываю лицо толстым слоем крема, как будто заправляю *tarte tropézienne*⁵ и укладываюсь перед телевизором с бутылкой минералки. Надо срочно что-то делать! Прямо завтра с утра. По Arte начинается передача про жизнь камчатских бобров.

⁵ традиционный десерт из Сан Тропе с толстым слоем жирного крема

Глава 3

Счастливый билетик, который достался не мне

На следующий день я просыпаюсь в значительно лучшей форме (ну, хуже, признаться по правде, было уже некуда). Мешки заметно сдулись, вскормленная черной икрой кожа немного подтянулась. Разве что вчерашняя незваная гостья решила, похоже, прописаться на левом веке. «Ничего, мы еще посмотрим, кто кого!» подмигиваю этой тонкой кривой возрастной отметке я. Мучимая последствиями нездорового времяпрепровождения, я так и не удосужилась вчера пополнить запасы продуктов. Придется заняться этим малоприятным, но неизбежным занятием прямо с утра. Я натягиваю плюшевый спортивный костюм Juicy Couture, завязываю не первой свежести волосы в скромный пучок, прячу не накрашенные глаза под крупными стеклами солнечных очков и, захватив продуктовую авоську, отправляюсь на рынок. Южное солнце, не знающее никакой пощады, агрессивно атакует мою незащищенную голову. Потолкавшись немного в очередях и выслушав жалобы скучающих пенсионерок, я становлюсь счастливой обладательницей свежих рыбы, мяса и овощей. По дороге домой, я захожу в газетный киоск за новой пачкой сигарет. Передо мной опрятный старичок мусолит в руках новый выпуск *Canard Enchaîné*⁶ с искаженной физиономией Франсуа Олланда на первой полосе, пытаюсь определить, стоит ли выкладывать за эти газетные листки евро двадцать. Я пробегаю глазами модную прессу. В начале августа, как правило, поглазеть совершенно не на что. Все летние хиты уже затерлись до дыр и разошлись на распродажах, а знаменитый сентябрьский выпуск, демонстрирующий обывателям осенние приоритеты, еще не поступил в продажу. За моей спиной невыразительной наружности мужчина запикивает в автомат мятые лотерейные билетки. Обычно таким дедовским способом выигрыш проверяют пожилые игроки. Современные охотники за удачей пользуются приложением Евро Миллион на своих айфонах. Мне известен нехитрый принцип этой популярной в Европе лотереи. Я несколько раз испытывала свою удачу, отметив наугад крестиком пять номеров и две звездочки. Однако судьба не посчитала нужным превратить меня в мгновение ока из простой содержанки в независимую миллионершу. За что я до сих пор на нее немного обижена. «О, мосье! Вы выиграли!» долетает до меня возглас продавца. «Повезло этому замшелому. Получит 5 евро. Или 10» думаю я, листая старый *Вог*. Вот тут как раз мое платье Ланван на всю страницу. Не скажешь уже следующим летом, что только что купила! Эх, жизнь жестянка! «150 миллионов, мосье! Главный приз!» хрипит тем временем торговец за моей спиной. «Не может быть!» вторит ему ослабевший от подобного открытия мужской голос. Меня с ног до головы пронизывает мощный электрический заряд. «На его месте должны была быть я!» хочется заорать мне и покатиться по полу в истерике. «Остынь!» дергает меня за руку брюнетка. «Не пари горячки! На его месте еще можешь оказаться ты!» «Да, точно» утешительно гладит по плечу блондинка, «Попробуй сыграть сегодня. Может, повезет?» «Белобрысая дура!» выходит из себя темненькая, «Разуй глаза, она уже выиграла! Вот он стоит, ее счастливый билетик!» Я продолжаю автоматически переворачивать глянцевые странички, делая вид, что все происходящее меня никаким образом не касается. Впрочем, участникам этого жизненного спектакля нет до меня никакого дела. Все трое, включая пенсионера с уткой на цепи, прибывают в состоянии глубокого шока. «И что мне теперь делать?» шепчет выигравший. Я пытаюсь разглядеть его краем глаза. Это высокий брюнет не на много старше меня в серой майке Адидас на размера два больше нужного, вытянутых джинсах с высокой (о, Боже!) талией и стоптанных ботинках, которые он, должно быть, унаследовал еще от вернувшегося с Первой Мировой прадедушки.

⁶ «Закованная утка» политическая газета «против всех»

«Да, миллиончики будут этому бедному замухрышке не лишними» вынуждена признать я. «Мы вам, конечно, такую сумму выдать не можем» лепечет продавец, «Надо будет позвонить вот по этому номеру. Там вам все объяснят». Плохо одетый вахлак топчется на месте, не решаясь, видимо, поверить своей удаче. Ну, почему, почему эта эксцентричная мадам всегда достаивает своей щедрой улыбкой вот таких вот невзрачных лузеров? Этот чебурашка даже понятия не имеет, как обращаться с обрушившимися на его лохматую голову деньжищами. «Да, опытный помощник ему в этом нелегком деле не помешает» подмигивает мне брюнетка. Наконец, счастливчик нетвердой походкой направляется к выходу, бормоча на ходу какие-то невнятные слова благодарности. Старичок отправляется следом. Я быстро расплачиваюсь за первый попавшийся под руку глянec (какой ужас, им оказывается Voici⁷), и выскакиваю на улицу. Кудлатый уже набирает номер Francaise des Jeux⁸. Дедок переминается рядом с ноги на ногу. Я закурываю сигарету, спрятавшись за синим мусорным баком. «Алло, добрый день. Я... мне... в общем, я, кажется, выиграл в лото» Из моего убежища мне прекрасно слышен голос этого мямли. «Креститься надо, когда кажется!» про себя злюсь я. «Нет, точно выиграл. Все номера сошлись. Тираж прошлой пятницы. Да, жду». Во время разговора он совершает какие-то безвекторные движения, грозясь сбить примостившегося рядом любознательного старикашку. «Да! Мое имя? Франсуа Дюбуа. 15 rue du 11 Novembre. Канны. Номер телефона? Да, 06...» Последнюю комбинацию цифр мне запомнить с ходу не удастся. «Когда можно приехать? В парижский офис? Прямо завтра? Да, конечно! Спасибо! До свидания!» Ну, вот, теперь просто стащить у этого болвана счастливый билетик не получится. Хотя... Доказательств, что выиграл именно он, кроме этого жалкого клочка бумаги все равно никаких нет. Мало ли какому чокнутому приснилось во сне, что он сделался миллионером. Ладно, посмотрим, как дальше будут развиваться события. Пока что этот балда очень удачно выдал мне свое имя и адрес. Франсуа Дюбуа! Monsieur Tout-le-monde! Такое же примитивное невзрачное сочетание как Иван Петров. Ну, и угораздило же Всевышнего, право слово! «Конечно, надпись «Мадмуазель Елизавета Кравченко» выглядела бы на чеке куда более эффектно!» хихикает блондинка. Мой среднестатистический француз тем временем, очухавшись немного, двигается вперед по улице. Пожилой любитель политических дрызг не отстает от него ни на шаг. «Мосье, вам очень повезло» доносится до меня его хрип, «Поздравляю вас!» Небось, будет денег кланчить, думаю я, сливаясь с толпой. Везунчик бубнит в ответ что-то невразумительное. «Вы должны быть очень осторожны. Никому не рассказывайте о своем выигрыше! Люди ведь, разные бывают!» Ишь, какой советчик нашелся. «Да, да, спасибо, простите, мне нужно бежать». Франсуа Дюбуа, резко изменив направление, исчезает за поворотом. Ну, от меня, колобок, ты так ловко не сбежишь! Периодически останавливаясь, забегая в магазинчики, застревая в выдуманных людских пробках (оказывается, во мне погиб талантливый шпион!) я провожаю свой «объект» напрямик до дома на улице 11 Ноября. Пока он роется в кармане бесформенных джинсов в поисках ключа, мне удастся ухватить еще один обрывок телефонного разговора. «...Завтра в Париж. Да, желательно прямой. В 8 или в 12 только? Ну, давай в 8. Не, потом объясню. Да, ничего не случилось...» Взбалмошная госпожа удача швыряет мне объедки с барского стола, удостоив главного блюда вот этого снусмумрика. Ну, да, ладно. За Франсуа захлопывается дверь. Я опускаюсь на скамейку в ближайшем сквере и прикуриваю сигаретку. «Ну, что, девчата, что будем делать?» обращаюсь к своим верным советчицам. «В идеале, конечно, завладеть заветным листочком до того, как мосье Дюбуа пересечет порог офиса Francaise des Jeux» размышляет вслух брюнетка. «Тогда и связываться с этим вахлаком не придется». «Завались к нему в гости с декольте и мини, усыпи хлороформом и обшарь квартиру» выдает гениальную идею блондинка. Брюнетка презрительно морщит физиономию. Выглядывающая

⁷ желтая пресса

⁸ фирма, организатор лотторей

из авоськи свежая камбала страшно выпучивает глаза. А ведь я про нее совсем забыла. Стухнет сейчас на жаре бедолага. Предложение блондинки меня не устраивает, от него как-то неприятно пахнет криминалом. Тем более, кто его знает, этого страшили мудрого, куда ему взбредет в голову спрятать бумажную ценность. Может, конечно, так и оставить в кармане своих безбожных шароваров, но интуиция подсказывает мне, что не так уж он одноклеточен, как кажется на первый взгляд. «Лучше попытать удачу в поезде» выдает обладательница черной шевелюры, «У тебя будет пять часов на то, чтобы стащить у него билетик». «Как ты себе это представляешь?» недовольно хмыкаю я. «На что, чтобы это представить и спланировать у нас есть почти сутки» резонно замечает она. «То есть сегодня мы ничего не предпринимаем?» «Нет» мотает плоской головой камбала, «Пошли уже домой!» Мои ноги вовсю сопротивляются, не желая удалиться от эпицентра потенциального богатства. Внутри булькает страх – а вдруг этот дурак отправится на прогулку и потеряет наш (!) бесценный талончик. Или расскажет о выигрыше какому-нибудь псевдо другу, и тот его обокрадет. Или похвастается перед симпатичной дурочкой, а та напустит на него вооруженных дружков. Или тот старикашка окажется не просто безобидным пенсионером (не зря такое агрессивное чтиво любит), а главой местной мафиозной группировки... От таких картин у меня голова идет кругом. «Нет, оставлять его одного в такой момент никак нельзя» решаю я. «Сейчас заброшу рыбу домой и вернусь на улицу 11 ноября». Говорящее, кстати, название улицы. 11 ноября во Франции отмечается победа союзников в Первой Мировой войне. Французских воинов на родине величали смешным названием – *roilus* – волосатые. Как мне объяснил один почитатель истории, термин этот не является ни в коей мере оскорбительным и не характеризует бойцов как заросших щетиной дикарей, а наоборот символизирует мужество и храбрость. Вот и наш кудлатый победитель проживает на улице 11 ноября. Забавное хитросплетение паутинки судьбы. Мне все-таки удастся добраться до дома и забросить изнемогающую рыбину в холодильник до ее полного разложения. «Беги скорее обратно!» командует блондинка. Судя по ее размалёванной физиономии и беспардонному мини, отступать от своей сомнительной идеи она не собирается. «И что она там будет делать? Куковать целый день в сквере и смолить одну сигарету за другой?» вздыхает брюнетка, «Если это деятель выйдет, она потащится за ним? Спешу тебе напомнить, что школу спец агента наша курица не заканчивала». Как ни крути, она права. Толку от меня в парке напротив дома будет чуть. Я марширую по квартире взад-вперед, надеясь, что где-нибудь на повороте мудрое решение само найдет меня. «Да, успокойся уже, не мельтеши» морщится брюнетка, «Закажи лучше себе билет в Париж на утро, а то раскупят еще». Я бросаюсь к ноутбуку, и спустя несколько минут становлюсь обладательницей пропуска в вагон первого класса поезда Канны-Париж. «А волосатик-то, скорее всего, поедет вторым», лениво замечает моя темноволосая подруга. «Ну, конечно! Миллионер, и поедет в Париж вторым классом!» сомневаюсь я. «Неужели ты думаешь, что, угадав комбинацию цифр, этот индивид в наряде пугала, мгновенно оброс замашками богача?» Так или иначе, из первого класса во второй мне будет легче прорваться, чем наоборот. Следуя постулату, кто информирован – тот вооружен, я отправляюсь на виртуальные просторы собирать ценные сведения о моем объекте. Список зарегистрированных на фейсбуке Франсуа Дюбуа тянется вниз бесконечно долго. Попробуй по сантиметровому фото определить наш это герой или нет! Вот этот седовласый старец точно не он. Хирург из Тулузы тоже не похож. Хотя ничего такой, даже симпатичный. Впрочем, хирурги, как показал Аришин печальный опыт, не самые приятные в быту люди. Листаем дальше. Пьяный студент. Совсем холодно. Бородастик из Лилля, Мочалка Боб без места жительства, грузовик из Аверни, закат солнца без дополнительной информации, симпатичная собачка с розовым носом, красный воробей из Angry Birds, грудной младенец со сморщенной физиономией (рано же современная молодежь садится за компьютер), улыбающаяся семейка, Франсуа Дюбуа – художник, пышногрудая блондинка тоже Франсуа Дюбуа... Ну, ничего себе их расплодилось. Я так до утра не управлюсь! Лысый булочник – явно не он. Еще одна собака, два

кота, попугай, веселый мишка, голый мужской торс без головы (человеческий, уже неплохо) ... Попробуем отфильтровать весь этот Божий зоопарк. Я ввожу в строке поиска: Francois Dubois Cannes. Ну вот, так бы сразу! Результата всего два. Ключка для гольфа и унылая пальма. Что скажете на это, Холмс? Кто из этих двоих наш клиент? Ключка или дерево? Элементарно, Ватсон, конечно дерево. Разве можно представить нашего лохматого приятеля в джинсах-бананах за игрой в этот аристократический вид спорта? Заходим в профиль пальмы. На нашу удачу, он открыт для посещений. Ух-ты, тут даже имеется еще одно фото. На сей раз, на нем изображены лохматый брюнет и маленькая круглоголовая лысая девочка с немного неестественно выпученными глазами. Я прилипаю к монитору. Сомнений нет, это мой счастливчик собственной персоной. А вот эта мадмуазель в его объятиях мне что-то совсем не нравится. Не хватало еще, чтобы мой вахлак оказался намертво женатым счастливым отцом семейства! Такой плачевный вариант мне даже в голову до сего момента не приходил. Под снимком несколько комментариев каких-то Жан-Марков и Карин. Первый нагоняет на меня ужас. «Какой трогательный папочка!» За моей спиной раздается грохот. Блондинка упала со стула и теперь громко матерится, сидя на полу. «А жены-то не видать!» резонно замечает брюнетка, помогая ей подняться, «Если только это не пальма». «Какая разница, есть там или нет законная супруга», расстроенно блею я. Этот маленький беззубый человечик гораздо страшнее. Представим себе наихудший вариант – ловко стащить билетик в поезде у меня не получается, и Франсуа Лесник официально становится обладателем полторы сотни миллиончиков. Что дальше? Забыть об этой маленькой обидной кляксе на и без того не белоснежном листке моей биографии? Просто перевернуть заляпанную страничку и творить дальше? Или попытаться завладеть сокровенным богатством другим путем – через руку, сердце, желудок и все остальные прилегающие органы новоиспеченного миллионера? «Богатая идея» одобряет брюнетка «Вместо того, чтобы ловить уже готовых пересыщенных роскошью баловней судьбы, почему бы не взрастить себе собственного «комнатного» спонсора? Слепишь его таким, какой тебе нравится, и этот дурак еще будет всю жизнь благодарен Богу за встречу с такой шикарной женщиной». Это, конечно, факт, но тут в поле нашего зрения возвращается этот чертов снимок «трогательного» папаши и его щекастой дочуры. В случае воссоединения наших с Франсуа сердец и счетов, этот отпрыск получается третьим лишним. Так или иначе, с ним придется делиться. «Ты прямо как в сказке про «шубку жалко», ехидничает блондинка, «Сначала убей медведя, в потом шкуру дели». Ладно, она права. Надо действительно сначала определиться, как охотиться на этого хищника. Больше визуальной информации в профиле Дюбуа не имеется. Зато тут написано, что он родом из Гренобля (мрачный северный городишко, где мне случилось побывать один единственный ничем не запомнившийся раз), окончил там школу, потом какой-то ВУЗ экономика-финансы (оригинал!) и на данный момент проживает в г. Канны. Место работы не значится. Наверняка какой-нибудь мелкий клерк, которого начальство за какие-то особые заслуги перебросило с севера на юг. Так, что тут еще... Любимая музыка: Coldplay, U2, Pink Floyd, Prince и даже Beatles. Monsieur Tout le monde очередной раз подтверждает свою серенькую сущность. Среди любимых фильмов понури голову, дефилирует вся классика американского кино. Я разочарованно вздыхаю. Профиль Франсуа не дал мне ни одного крючочка, но который можно было бы нацепить этого среднестатистического француза. Ни одного яркого флажка, которым я могла бы взмахнуть у него перед носом завтра в дороге – «О, а вы тоже любите испанские авторские фильмы 90-ых годов?» «Надо же, и я ярая поклонница творчества китайских художников эпохи Мин, в особенности Люй Цзи!» Согласитесь, что фраза типа «Вы тоже смотрели «Аватар»? Какое невероятное совпадение!» вряд ли сможет заложить фундамент долгой интересной беседы, в ходе которой мужчина и женщина выясняют, что просто созданы друг для друга. «Почему бы и нет?» хлопает ресницами блондинка, «Если при обсуждении синих нави у дамы будет выгодно колыхаться декольте». Фейсбук исчерпал свои ресурсы. Я перехожу в поисковую систему Google и печатаю фамилию и имя своего завтрашнего спутника. Первым

гордо выскакивает художник гугенот, умерший в 84-ом году. Далее выползают незнакомые мне физиономии, в большинстве своем мало привлекательных современников. Никого, хоть отдаленно похожего на моего Дюбуа, не видать. Вот разве что этот, в конце второй странички гугольных результатов. Черно-белое фото времен Джо Дассена. Прическа кстати точь в точь Джо. И куда приведет нас этот певун? О, а вот это уже интересно. Сайт знакомств «attractive world». Франсуа Дюбуа, Канны, 34 года, увлечения: бег, кулинария, путешествия, животные. Ищет: девушку от 25 до 35 лет (однако, мне едва удастся втиснуться в последний вагончик этих возрастных требований), спортивную блондинку (о, а вот это в яблочко). Последний визит на сайт датирован 10 июня этого года. Ну, что ж, подруги мои, а вот это замечательная новость! Наш объект не женат! Более того, он в активном поиске! «Насчет активного я бы усомнилась», гундит брюнетка, «Два месяца не заходил в этот «привлекательный мир» узнать, что там наловилось в виртуальные сети». «Может, за это время он уже нашел реальную блондинку» пессимистично предполагает светленькая. «Да, хоть двадцать! Главное – отсутствие штампа в паспорте. Все остальное – дело техники!» не поддаюсь на провокации я. Итак, подводим итог расследования. Нашему герою 34 года (детсад младшая группа), он имеет ребенка, но не имеет жены (это вообще в современной Франции очень привычный случай – многие пары сливаются в официальном браке уже после второго или третьего карапуза, многодетная мамаша в девственно белой фате всегда смотрится так «трогательно»). Все его вкусы и пристрастия укладываются в рамки ничем не выразительного середнячка. Вот бы моим родителям такой «нормальный» зять понравился! Что касается меня, то все мое существо активно отторгает этого невыразительного обывателя. Остается только надеяться, что удача меня не подведет, и завтра мне посчастливится завладеть заветной бумажкой. Потому как завладевать этим лохматым любителем бега и животных меня как-то ну совсем не тянет.

Вечером я разглядываю себя в зеркале-правдорубе. 35 никак не дашь! От силы 29... 28... 27... Для такого барана как Франсуа Дюбуа даже слишком хороша. А фигурка вообще песня. Баллада. О любви. Мне некстати вспоминаются сдержанные, но всегда искренние комплименты мосье Сешо. Его мягкий голос. Его теплая располагающая улыбка. То необыкновенно ощущение спокойствия, уверенности и защищенности, которое я испытывала в его компании. Блондинка вытирает слезы рукавом халата. Брюнетка зажигает сигарету. Нет, хватит, эту станцию мы проехали. Меня ждет пересадка в другой поезд, отправляющийся завтра утром с Каннского вокзала. Утром. В невозможно ранний час. И чтобы сохранить физиономию 27-летней девушки, мне надо срочно ложиться спать. Что я и делаю.

Глава 4

Что делать в поезде, если не взял с собой курицу и выпивку.

Если вы когда-нибудь зададитесь мазохистским вопросом «как провести бессонную ночь?», вот простой и эффективный ответ: ложась в постель, обязательно скажите себе

«надо побыстрее заснуть, чтобы хорошо выспаться, завтра непременно надо быть в форме». Как правило, этого оказывается достаточно, чтобы запустить бойкий сердечный механизм, который будет взволнованно громыхать клапанами до рассвета. Во всяком случае, у меня всегда происходит именно так. Задавшись целью насладиться по максимуму лечебным сном, я уже получасом позже отправки на боковую, обнаружила себя вспотевшую от перекачивания с боку на бок с широко распахнутыми глазами и бешено скачущим сердцем. Пришлось прибегнуть к крайним мерам и заглотить таблетку Лекзомила вопреки собственному зарoku больше сильнодействующими снотворными не баловаться. В итоге сквозь плотную пелену бесцветных грез я едва расслышала настойчивую трель будильника. Проклиная все на свете и прежде всего подлого Франсуа, выбравшего для своей поездки такое неподходящее время, я выползаю из теплых объятий кровати и плетусь в душ. Быстрая косметическая зарядка приводит в порядок мою сонную физиономию. 27 мне этим утром может дать только очень лицемерный льстец. А вот на 29 еще вполне тяну. Перекусить я, конечно, не успею, от силы удастся встряхнуть свой вялый организм чашечкой рестретто и сигареткой. Одежду я подобрала с вечера. Тонкая, но непрозрачная шелковая блузка без рукавов (она ничем не примечательна, кроме, разве что, одной непослушной пуговички на груди, имеющей обыкновение расстегиваться на вздохе), простенькая юбка ниже колена (только истинный знаток усмотрит в ней крой и качество модного дома Диор), телесные босоножки на небольшом каблучке и старенькая потертая Neverfull Виттон. С любимыми украшениями и часами приходится расстаться. По разработанной легенде я еду в Париж на собеседование. Вся такая положительная, серьезная, в меру Тургеневская девушка. Вылетаю из дома, как всегда, в последний момент. Хорошо хоть, до вокзала 5 минут быстрым шагом, который в народе величают «бегом». Поезд уже не перроне. Нашего лохматого героя нигде не видать. Придется обходить вагоны и заглядывать в лица пассажирам. Меня начинает покусывать паника. «Он передумал и не поехал!» кусает гелевые ногти блондинка. Я забираюсь в последнее купе (слава Богу, это транспортное средство насчитывает в себе только семь вагонов) и качу свой чемодан вперед, внимательно разглядывая отъезжающих. Очень скоро я застаю в спровоцированной толстой теткой в леопардовой пижаме пробке. «Вовик, я не понимаю, почему ты взял второй класс! Меня же тут стошнит!» громко возмущается габаритная хищница. Вовик, щуплый усач в белом сильно мятом костюме как-то невнятно оправдывается. Наконец, моей соотечественнице удается утрамбовать свои тела в кресло. «Провинция» мысленно хмыкаю, проезжая мимо, я (жительница поселка Чечулино). Просканировав взглядом десятки несимпатичных не выспавшихся лиц, я начинаю было отчаиваться, когда мне на глаза попадает знакомый профиль под шапкой воинствующих темных кудрей. Бинго! Рядом с неприметным миллионером в стоптанных Конверсах намеревается расположиться высушенная солнцем до черноты костлявенькая француженка. На мое счастье, она отправляется вытащить из сумки забытую книжку. Тут-то я ее и перехватываю. «Прошу прощения, мадам, не могли бы вы поменяться со мной местами. Я хочу сделать сюрприз своему жениху!» сочиняю на ходу я. Дама смотрит недоверчиво на мой билет. «Но у вас первый класс». Я развожу руками, давая понять, что ради истинной любви я готова пойти на любые испытания. Даже на поездку вторым классом. «Хорошо. Удачи вам!» подмигивает она мне. Да, удача мне теперь не помешает. «Вперед на бордаж!» толкает меня в спину блондинка, «Не забудь пуговицу расстегнуть!» Брюнетка почему-то с самого утра мол-

чит, наверно еще не проснулась. А может быть, просто не одобряет все это сомнительное мероприятие. Меня тем временем охватывает азарт игрока. Я запикиваю свою Виттон на полку, давая, таким образом, Франсуа полюбоваться моей фигурой и ощутить тонкий аромат моих духов. Впрочем, похоже, что мое присутствие пока является для него тайной. Этот вахлак по уши завяз в своем айфоне, только темечко кудлатое торчит. Ладно, будем доставать. «Добрый день» проявляю вежливость я, усаживаясь на соседнее сидение. Дюбуа безразлично «бонжуркает» в ответ, не соизволив даже повернуть головы в мою сторону. Вот ведь червяк! «Тяжелый случай» констатирует брюнетка, зевая и потягиваясь. Ничего, мы еще посмотрим, кто одержит победу в этой Бородинской битве. Готовься, Наполеонишка! Я устраиваюсь поудобнее и открываю толстенный томик «50 Shades of Grey». Эта книга (которую я так и не удосужилась дочитать до конца) уже второй год служит мне верой и правдой. Она действует на мужчин как красная тряпка на быка, они почему-то сразу расплываются в сальной улыбке и лезут знакомиться. Надо наверно все-таки домучить до конца эту невнятную маяту некрасивой Анастасии и великолепного Кристиана. Может, там в конце какая-нибудь сильная знаковая сцена вроде финала «Парфюмера». Кстати, в русском варианте этот шедевр современной литературы превратился с легкой руки какого-то умелого переводчика в «50 оттенков серого». Хорошо, хоть серый не с большой буквы. А то вышел такой красавчик миллиардер Серега. Впрочем, я отвлеклась. Как и следовало предположить, мой асоциальный сосед красную тряпку не замечает. В его телефоне происходит нечто гораздо более интересное и значимое. «Сделай вид, что заснула и положи голову ему на плечо» находчиво предлагает блондинка. «Боже, какая пошлость» морщится брюнетка. «Знаете, девочки, похоже, что тут случай действительно совсем запущенный, и мне придется идти на крайние меры» мысленно отвечаю им я. «С Богом» в унисон одобряют мои верные умнички. Я отправляюсь в вагон-ресторан. Название громкое, а кроме круассана, кофе, чипсов, да холодных бутербродов порадовать желудок там нечем. Впрочем, желудок у нас сегодня не приоритет. Я все-таки заглатываю хилый сухой венский рогалик прямо на месте и, предусмотрительно убедившись в отсутствии крошек на губах и одежде, возвращаюсь на свое место с пластиковым стаканчиком ароматного кофе. Nespresso, what else? Именно, этот бодрящий напиток и окажет женщине посильную помощь в завоевании айсберга мужского пола. Неоригинально, согласна, но наш дружище, похоже, оригинальностью вообще не отличается, поэтому будем действовать наверняка. Перед тем как опуститься на сидение, я делаю вид, что ищу что-то в сумке, зажав дымящийся напиток в левой руке. Не трудно догадаться, что удержать равновесие мне не удастся, и секундой позже по синим джинсам Франсуа растекается огромное коричневое пятно. От неожиданности облитый роняет свой любимый айфон, да так неудачно, что этот лучший друг современного человека ударяется своим плоским лицом о металлическую панель и сморщивается кривой сеткой трещин. «Quelle conne alors! C'est pas vrai!»⁹

⁹ невежливый возглас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.